

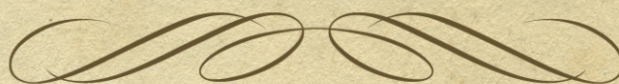
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

ИГРА В УБИЙСТВО

НА КАЖДОМ ШАГУ
КОНСТЕБЛИ

Золотой век английского детектива

Найо Марш

**Игра в убийство. На
каждом шагу констебли**

«Издательство АСТ»

1934, 1968

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Игра в убийство. На каждом шагу констебли / Н. Марш —
«Издательство АСТ», 1934, 1968 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-157292-1

Два увлекательных романа Найо Марш о приключениях инспектора Скотланд-ярда, полицейского-интеллектуала Родерика Аллейна, – классические детективы, полные тончайшего, чисто британского юмора. Компания родственников, друзей и приятелей эксцентричного миллионера решает скоротать вечерок в загородном доме модной «игрой в убийство». Однако игра перестает быть игрой, когда одного из гостей обнаруживают заколотым кинжалом. Кто же избавился от респектабельного сэра Чарлза? Под подозрением решительно все, от бойкого кузена жертвы – репортера светской хроники – до русского эмигранта-дворецкого. И у каждого подозреваемого, выясняет Аллейн, имелись и мотивы, и возможности. В отсутствие убившего в командировку супруга жена Аллейна, талантливая художница Трой, отправляется на маленьком парходике в увеселительный круиз по Темзе. Атмосфера на судне царит уютная, невзирая на пеструю, разномастную компанию пассажиров. Но что-то кажется Трой неуловимо подозрительным, что-то заставляет ее напряженно ждать происшествий. И ожидания ее оправдываются, когда кто-то жестоко убивает назойливую, смешную, но добродушную старую деву. Трой решает начать собственное расследование...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157292-1

© Марш Н., 1934, 1968

© Издательство АСТ, 1934, 1968

Содержание

Игра в убийство	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	24
Глава V	31
Глава VI	38
Глава VII	44
Глава VIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Найо Марш

Игра в убийство; На каждом шагу констебли (сборник)

Ngaio Marsh

A MAN LAY DEAD

CLUTCH OF CONSTABLES

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency.

© Ngaio Marsh Ltd, 1934, 1968

© Перевод. Л. Мордухович, наследники, 2023

© Перевод. Е. Короткова, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Найо Марш (1895–1982) – ярчайшая звезда «золотого века» английского детектива, автор 32 романов и множества пьес. Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс. За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.

Игра в убийство

Глава I Сбор гостей

Франток, Франток, – стучали колеса. – Фран-ток, Фра-нток...

Откинувшись на мягкую кожаную спинку кресла салона первого класса, Найджел Батгейт созерцал своего кузена, сидевшего напротив, и думал о предстоящем уик-энде во Франтоке. В свои двадцать пять с небольшим он уже избавился – так, по крайней мере, он считал сам – от юношеской восторженности, но сейчас непонятно почему волновался. Да нет, не волновался, просто был «в определенной степени заинтригован» – так, наверное, написал бы он в своей колонке светской хроники.

Найджел посмотрел в окно. Да... эти уик-энды во Франтоке... Говорят, это что-то совершенно особенное. Он снова бросил взгляд на кузена. Старина Чарльз... крепкий орешек. Никому не дано знать, что там у него под этой маской. А так внешне все замечательно. Красавец, любимец женщин, преуспевающий во всем, в чем только можно преуспеть... И годы его не берут. Кстати, сколько ему сейчас? Кажется, сорок шесть... или сорок семь.

Будто бы прочитав эти мысли, Чарльз Ренкин поднял задумчивый взор на молодого кузена и улыбнулся своей знаменитой улыбкой, делающей его похожим на фавна.

– Сейчас уже скоро, – произнес он. – Следующая остановка наша. Посмотри, вон там налево – это уже Франток.

Найджел скосил глаза в указанном направлении. Холмистая равнина – лоскутное одеяло, калейдоскоп маленьких и малюсеньких полей, а дальше – готовящийся к зимнему одинокому сну голый лес, за которым виднелись (скорее угадывались) кирпичные стены старинного особняка.

– Да-да, это он и есть, тот самый дом, – сказал Чарльз.

– А кто там будет? – спросил Найджел уже не в первый раз.

Об уникальных и загадочных вечерах в доме сэра Хьюберта Хендсли Найджел был слышан от приятеля – журналиста. Тот, побывав на одном из них, был просто в телячьем восторге. Сам Чарльз Ренкин, – а уж он-то был знаток и ценитель подобного рода мероприятий, каких мало, – так и тот в пользу этих уик-эндов отказывался от самых заманчивых приглашений. И вот наконец свершилось: обедая на днях у Чарльза, Найджел тоже удостоился приглашения.

– Так кто же там все-таки будет? – повторил вопрос Найджел.

– Обычная публика, полагаю, – ответил Ренкин, – плюс еще доктор Фома Токарев, который знаком с сэром Хендсли еще с тех пор, как тот был консулом в Петрограде. Ну, еще, конечно, Уайлды, они, скорее всего, едут в этом же поезде. Артур Уайлд, знаменитый археолог, и Марджори Уайлд... гм, она, полагаю, просто симпатичная женщина. Восьма. Будет там, я думаю, также и Анджела Норт. Ты знаком с ней?

– Это племянница сэра Хендсли? Конечно, ведь она тогда была с ним у тебя на званом ужине.

– Ах да, разумеется. И если мне не изменяет память, вы с ней довольно мило беседовали.

– А мисс Грант приедет?

Чарльз Ренкин встал и принялся надевать пальто, путаясь в рукавах.

– Ты имеешь в виду Розамунду? Да, приедет.

«Удивительный все-таки голос у старины Чарльза», – только и успел подумать Найджел, как лязг тормозов возвестил о прибытии на станцию. Паровоз шумно и протяжно выдохнул.

Воздух снаружи был совсем не то что в Лондоне – куда как свежее и промозглее, особенно после духоты вагона. Ренкин двинулся по узкой дорожке, которая привела их к группе, состоящей из трех закутанных фигур. Они что-то громко обсуждали, пока шофер грузил вещи в шестиместный «бентли».

– Привет, Ренкин, – произнес худой мужчина в очках. – Я так и думал, что ты должен быть где-то здесь, в этом поезде.

– А я, Артур, высматривал тебя еще на Паддингтоне¹, – ответил Ренкин. – Познакомьтесь с моим кузеном. Это Найджел Батгейт... миссис Уайлд... мистер Уайлд. А ты, Розамунда, кажется, знакома с ним, не так ли?

Найджел поклонился Розамунде Грант, красивой темноволосой высокой женщине. Странная у нее была красота, необычная, запоминающаяся надолго. А вот от всей миссис Уайлд виделись только пара больших голубых глаз и кончик крохотного вздернутого носика. Эти глаза оценивающе поглядели на Найджела, а довольно пронзительный манерный голосок, исходящий из невероятно высокого мехового воротника, произнес:

– Рада познакомиться. Значит, вы родственник Чарльза? Сочувствую. Ну что ж, Чарльз, тебе придется идти пешком. Вместе нам в эту колыхагу не поместиться.

– Ничего, ты сядешь мне на колени, – весело бросил Ренкин.

Найджел метнул на него взгляд, а тот, в свою очередь, посмотрел на Розамунду Грант. И глаза его как будто говорили: «Я просто шучу, можешь не возмущаться».

Она впервые заговорила низким глубоким голосом, который резко контрастировал с писклявостью миссис Уайлд.

– Вон едет Анджела, так что места хватит всем.

– Какое разочарование! – воскликнул Ренкин. – Марджори, у нас с тобой все сорвалось.

– Что касается меня, – заявил Артур Уайлд с твердой решимостью в голосе, – то ни за что на свете я к ней не сяду в эту адскую машину.

– Тем более я, – добавил Ренкин. – Великий археолог и не менее выдающийся писатель, да разве мы имеем право флиртовать со смертью. Нет, мы остаемся здесь.

– А нельзя ли мне подождать мисс Норт? – осведомился Найджел.

– Если бы вы могли, – с надеждой произнес шофер.

– Марджи, дорогая, да садись же ты наконец, – проворчал Артур Уайлд. Он уже взгромоздился на переднее сиденье. – Я ужасно стосковался по чашечке чаю с мягкой булочкой.

Его супруга и Розамунда Грант забрались на заднее сиденье. Ренкин сел между ними. Двухместный спортивный автомобиль с шумом остановился в двух миллиметрах от «бентли».

– Извините за опоздание! – выкрикнула Анджела Норт. – Кто желает прокатиться с ветерком, подышать свежим воздухом, напоенным вереском? Бездна удовольствия.

– Перестань нас пугать, – пискнула миссис Уайлд из «бентли». – Мы оставляем тебе кузена Чарльза. – Она многозначительно показала глазами на Найджела. – Посмотри, какой красивый молодой человек. Истинный британец, как раз, Анджела, в твоем стиле.

«Бентли» тронулся и исчез за поворотом.

Найджел засуетился в мыслях. Ничего сколько-нибудь оригинального наскрести ему не удалось, и он лишь тупо пробормотал, что они уже встречались однажды.

– Конечно, встречались, – заметила она. – И вы мне тогда очень понравились. А теперь понеслись, надо их нагнать.

Он прыгнул на сиденье рядом с ней, и тут же у него перехватило дух. Анджела взяла с места в карьер.

– Ведь вы впервые во Франтоке? – спокойно проговорила она, не снимая ноги с акселератора. – Уверена, вам здесь понравится. Эти вечера у дяди Хюберта, мы их все очень любим...

¹ Вокзал в Лондоне. – Примеч. ред.

и даже не знаю почему. В общем-то ничего особенного на них не происходит. Просто каждый на какое-то время становится ребенком, вспоминает детство. Каждый раз дядя придумывает все новые и новые игры. Очень смешно, весело. А в этот раз мы будем играть в убийство. А вот и они!

Она ударила по клаксону, и «бентли» промелькнул мимо, как будто стоял на месте.

– Вам прежде не приходилось играть в убийство? – спросила Анджела.

– Нет, но с вашей помощью в ближайшие минуты надеюсь освоить хотя бы самоубийство, – вежливо ответил он.

Она громко, заразительно засмеялась. «Как она трогательно смеется, – подумал Найджел, – как ребенок».

– Что, страшновато? – крикнула она. – Чепуха! Я вообще вожу очень осторожно. Мы ведь ползем как черепаха.

Она посмотрела назад – виден ли еще «бентли», – повернувшись почти на сто восемьдесят градусов.

– Скоро приползем, – пообещала она.

– Хотелось бы надеяться, – выдохнул он.

Мелькнули кованые ворота бокового входа. Мелькнули и остались позади. А машина влетела в серый полумрак парка.

– Летом здесь довольно приятно, – заметила мисс Норт.

– Здесь и сейчас неплохо, – пробормотал Найджел, с замиранием сердца глядя на приближающийся узкий мостик через ручей.

Еще несколько мгновений, и под колесами зашуршал гравий. Автомобиль, победно заржав, лихо затормозил у входа в старинный кирпичный особняк.

Найджел с облегчением выбрался наружу и последовал за хозяйкой.

Холл оказался хорош, по-настоящему хорош. Стены, обшитые дубовыми панелями, тонули в полумраке. В большом камине весело плясал огонь. С потолка свисала люстра огромных размеров. Ее подвески ловили огоньки из камина и перебрасывали их друг к другу, образуя некое таинственное сияние. Впереди, в дальнем конце холла, угадывалась широкая лестница. Найджел заметил, что стены, как им и положено, увешаны охотничьими трофеями и оружием, этими символами каждого добропорядочного английского особняка. Он вспомнил, как Чарльз говорил ему, что у сэра Хюберта одна из лучших в Англии коллекций старинного оружия.

– Если вы не возражаете, я поднимусь к дяде Хюберту, – сказала Анджела. – А вы можете пока погреться у камина и что-нибудь выпить. Ваш багаж, конечно, в другой машине. Она будет здесь с минуты на минуту.

Найджел недоверчиво изогнул бровь. Анджела пристально посмотрела на него и улыбнулась:

– Надеюсь, я вас не слишком шокировала своей манерой водить машину?

– На меня, конечно, произвело впечатление, но не только ваше вождение, – удивленно услышал Найджел свой голос, отвечающий ей.

– Вот это галантность. Вы говорите совсем как Чарльз.

Он собрался было ей что-то возразить, но она бросила:

– Отдыхайте. Я мигом. Вот здесь напитки.

Она махнула рукой в направлении батареи бутылок разного калибра и исчезла.

Найджел налил себе немного виски с содой и подошел к лестнице. Его внимание привлекла длинная полоса кожи с прорезями. А в этих прорезях виднелись страшные на вид причудливые лезвия кинжалов и сабель с искусно выделанными изогнутыми рукоятками. Он протянул руку к кривому малайскому кинжалу, но тут по стальному лезвию резко ударил снап света. Найджел быстро оглянулся. Дверь справа была отворена, и в ее проеме вырисовывался неподвижный силуэт.

– Прошу прощения, – произнес очень низкий голос, – но, вероятно, мы прежде не встречались. Позвольте представиться. Доктор Фома Токарев. Интересуетесь восточным оружием?

Не совсем еще оправившись от удивления, Найджел шагнул вперед, навстречу улыбающемуся русскому, который стоял с уже протянутой рукой. Молодой журналист охватил ладонью тонкие пальцы, которые казались вялыми и безжизненными. Но внезапно они ожили, и он ощутил неожиданно сильное пожатие, еще более сильное, потому что неожиданное. Как будто кисть руки вдруг плотно обмотали тонкой проволокой. Почему-то ему стало немного не по себе.

– Прошу извинить меня... здравствуйте. Нет... то есть да, интересуюсь. Но почти ничего об этом не знаю, – сбивчиво проговорил Найджел.

– А! – с чувством воскликнул доктор Токарев. – Если вы пробудете здесь хоть немного, то будете вынуждены кое-что познать из области восточного оружия. – Он говорил с сильным русским акцентом. – Сэр Хьюберт большой энтузиаст этого дела.

Он произносил слова, как будто читал лекцию, чеканя фразу за фразой. Найджел пытался ему что-то отвечать насчет того, что он полный профан, и тут, к большому его облегчению, послышался звук мотора «бентли».

Из тени возникла Анджела, одновременно появился и лакей в ливрее, а еще через мгновение холл наполнился шумом голосов гостей. С самого верха лестницы послышался мягкий голос, и сэр Хьюберт Хендсли поспешил навстречу гостям.

Наверное, весь секрет успеха вечеров во Франтоке заключался в очаровании хозяина. Хендсли был необыкновенно привлекательной личностью. Причем во всех отношениях. Розамунда Грант однажды сказала, что это несправедливо, когда природа награждает одного человека столь многими достоинствами. Он был высок ростом и, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, сохранял атлетическую фигуру. Волосы, почти совсем седые, однако густые и пышные, украшали его прекрасной формы голову. Здесь следует еще упомянуть глаза, необычно голубые, глубоко посаженные под кустистыми великолепными бровями, и губы, красиво очерченные и плотно сжатые по углам. Да что там говорить – мужчина был красивый и видный, даже слишком. Мозги у него тоже работали неплохо, под стать внешности. Накануне Первой мировой войны он сделал блестящую дипломатическую карьеру, а после нее входил в состав кабинета министров, и тоже весьма успешно. И при этом находил время для написания обширных монографий, посвященных предмету его главной страсти – оружию древних цивилизаций. В последние несколько лет, помимо всего прочего, одним из его любимейших хобби (он превратил его почти в науку) стали домашние развлекательные вечера.

После общего приветствия он (и это было для него характерно) сосредоточил внимание на своем новом госте, Найджеле.

– Я очень рад, мистер Батгейт, что вы изыскали возможность приехать сюда, – произнес он. – Если я правильно понял, то со станции вас доставила на своем автомобиле Анджела. С непривычки, наверное, вам пришлось туго. Или как? Чарльзу следовало бы вас предупредить.

– Дорогой мой, – воскликнула миссис Уайлд, – что вы говорите! Да это же бесстрашный молодой человек. Анджела засунула его в свою убогую маленькую тарактелку, не знаю, как ей это удалось – видимо, она сложила его пополам. А когда они пронеслись мимо нас как метеор, я заметила на его лице вот такую улыбку. – Она широко расставила руки. – Нет, ему никакая смерть не страшна. Чарльз, ты можешь гордиться таким родственником.

– Да-да, он отчаянный малый. Настоящий сорвиголова, – с серьезным видом согласился Чарльз.

– Если мы сегодня действительно будем играть в убийство, – заметила Розамунда Грант, – то победитель уже есть. Это Анджела.

– Дядя Хьюберт, эта игра в убийство – твое последнее изобретение?

– Я посвящу вас в мои планы только после коктейля, – сказал Хендсли. – Давно известно, что воображение у человека начинает работать значительно лучше, если пропустить стаканчик-другой. Анджела, прошу тебя, позвони Василию.

– Игра в убийство, хм... – произнес доктор Токарев, разглядывая один из ножей, висящих на стене. В больших стеклах его очков отражалось пламя камина.

Миссис Уайлд, наклонившись к Ренкину, пробормотала:

– Ну сущий опереточный злодей...

Токарев скосил на нее глаз и глубокомысленно продолжил:

– Игра в убийство... наверное, очень весело – играть в убийство. Но я никогда не слышал о такой игре.

– Ну, в самой грубой форме, – заметил Уайлд, – эта игра весьма популярна в нашем мире. Особенно в последнее время. Но я полагаю, Хендсли изобрел что-то особенное, что полностью преобразует ее смысл.

Дверь слева от лестницы отворилась, и на пороге возник старый дворецкий с сосудом для смешивания коктейлей в руке. Присутствующие при виде его разразились радостными возгласами.

– Василий Васильевич, – начала миссис Уайлд, определенно выпендриваясь, – папаша, наградите недостойную рабу Божию толикой вашего целебного варева!

Добродушно улыбаясь, Василий закивал головой и с большой торжественностью, как бы священнодействуя, открыл миксер и начал разливать прозрачную желтоватую жидкость.

– Ну как, Найджел, нравится? – спросил Ренкин. – Это его фирменный рецепт. Марджори называет этот коктейль «Приветом от Сталина».

– Побольше бы он присылал таких приветов, – пробормотал Артур Уайлд.

Найджел сделал осторожный глоток и вскоре вынужден был согласиться.

Он поискал глазами старика русского. Анджела рассказала, что Василий служил у ее дяди еще в Петербурге, когда тот только начинал свою карьеру консула.

Найджел посмотрел на своего кузена Чарльза Ренкина. «Ну что я о нем знаю, – думал он, – ровным счетом ничего». Между Розамундой Грант и Чарльзом, несомненно, существует какая-то эмоциональная связь. Достаточно было видеть, как она смотрит сейчас на него, когда он наклонился к Марджори Уайлд в классической позе флирта.

Найджел взглянул на Артура Уайлда, который с серьезным лицом о чем-то беседовал с хозяином. Уайлд ну абсолютно ничем не напоминал Хендсли, но все же что-то в его лице казалось Найджелу интересным, привлекательным. Что-то особенное заключалось в форме его черепа и нижней челюсти. В рисунке его губ угадывалась какая-то неуловимая чувственность.

«Удивительно, – подумал Найджел, – как это сошлись два столь непохожих человека – этот среднего возраста студент (он и в старости останется похожим на студента) и его шикарная жена. Что такого они нашли друг в друге?»

Позади них, наполовину скрытый в тени, стоял русский доктор. Голова наклонена немного вперед, однако тело прямое и неподвижное.

«Ну а этот? – продолжал удивляться про себя Найджел. – Что он думает сейчас обо всех нас?»

– Что это вы загрустили? – послышался рядом голос Анджелы. – Обдумываете начало статьи для своей газеты? Или размышляете над стратегией игры в убийство?

Прежде чем он собрался с ответом, заговорил сэр Хюберт, обращаясь ко всем:

– Леди и джентльмены, если у вас сохранились еще силы выслушать меня, я готов разъяснить основные принципы моей версии «игры в убийство». Затем вы сможете разойтись по своим комнатам и переодеться к ужину. Прошу внимания!

Глава II

Кинжал

– В общем-то, – начал сэр Хюберт, пока Василий бесшумно обходил гостей и подливал им коктейль, – я рассчитываю, что все вы знакомы с обычной версией «игры в убийство». Один из играющих назначается «убийцей», однако кто именно, остальным не известно. Все расходятся по своим делам, а он, улучив момент, звонит в колокольчик или ударяет в гонг. Это символизирует факт «убийства». После этого все собираются и начинают расследование. Кто-то из играющих назначается прокурором. Задавая вопросы каждому из присутствующих и сопоставляя ответы, он пытается «вычислить» убийцу.

– Одну минуточку, – воскликнул доктор Токарев, – тысяча извинений. До меня, как бы это сказать, не все дошло. Я не имел прежде счастья предаваться такому интеллигентному виду развлечений, поэтому, прошу вас, расскажите поподробнее.

– Ну разве он не душка? – произнесла миссис Уайлд почти что вслух.

– Я расскажу о моей версии, – сказал сэр Хюберт, – и полагаю, это будет вполне доступно вашему пониманию, как, впрочем, и всех остальных. Сегодня за ужином одному из вас Василий вручит маленький алый жетон. Разумеется, тайком от всех. Я сам не знаю, кого он выберет на сей раз, но давайте для примера предположим, что роль «убийцы» он отвел мистеру Батгейту, который возьмет этот жетон и никому ничего не скажет. Для совершения «убийства» в его распоряжении будет время с пяти тридцати завтрашнего дня до одиннадцати вечера. Он должен попытаться застигнуть кого-нибудь из нас одного, обязательно одного и, хлопнув по плечу, сказать: «Вы убиты». Затем он выключает общий свет – выключатель вот здесь, на стене, рядом с лестницей. При этом свет погаснет во всем доме. «Жертва» должна немедленно прикинуться мертвой, а мистер Батгейт от души бьет вон в тот ассирийский гонг у столика с коктейлями и скрывается куда пожелает. Мы же, увидев, что погас свет, и услышав гонг, должны в течение двух минут оставаться на местах... можете определить это время по ударам своего пульса. По прошествии двух минут мы имеем право включить свет. Обнаружив «мертвое тело», мы начинаем расследование. Каждый из нас может задавать друг другу любые вопросы. Если мистер Батгейт окажется достаточно находчивым, возможно, ему удастся избежать разоблачения. Надеюсь, я изложил все достаточно ясно?

– Кристально ясно, – пробубнил доктор Токарев. – Невероятно любопытная забава.

– На самом деле он не такой уж напыщенный, – прошептала Анджела на ухо Найдзелу, – но каждое утро после завтрака он вызубривает четыре страницы словаря Уэбстера. Вы думаете, на роль «убийцы» Василий выберет вас? – добавила она уже громко.

– Хотелось бы надеяться, что нет, – засмеялся Найджел. – Ведь я здесь абсолютно ничего не знаю. Может быть, вы покажете дом и все вокруг, на тот случай если мне придется скрываться?

– Покажу обязательно... завтра.

– Обещаете?

– Даю слово.

Розамунда Грант, прохаживаясь вдоль стен, вынула из кожаной ячейки длинный изогнутый кинжал и приложила лезвие к ладони.

– У этого «убийцы» для выполнения его черного дела здесь куча оружия, – улыбнулась она.

– Розамунда! – в ужасе взвизгнула Марджори Уайлд. – Убери сейчас же эту мерзкую вещь! Боже, от одного вида любого ножа я готова упасть в обморок. Сама не знаю почему. Я не могу даже видеть, как кто-то что-нибудь режет...

– Марджори, сейчас я тебя добыю, – засмеялся Ренкин. – В кармане моего пальто лежит самый настоящий кинжал.

– Чарльз, у тебя в пальто? Зачем он тебе?

Впервые за этот вечер Найджел услышал, как Розамунда Грант обратилась к его кузену. Она стояла на нижней ступеньке, похожая на современную служительницу какого-то загадочного восточного культа.

– Его прислал мне вчера один человек, – сказал Ренкин. – Кстати, доктор Токарев, ваш соотечественник. Я встретился с ним в Швейцарии и оказал ему там своего рода услугу – вытащил из ледниковой расселины. Он просидел там довольно долго, так что отморозил два пальца, их пришлось потом удалить. Так вот, он прислал мне этот кинжал в знак благодарности. А я привез его сюда, чтобы показать вам, сэр Хьюберт. Думаю, Артуру тоже захочется на него взглянуть. А как же, знаменитый археолог! Позвольте, я его принесу.

– Василий, принесите пальто мистера Ренкина, – сказал сэр Хьюберт.

– Надеюсь, при экспертизе этой вещи мое присутствие не обязательно, – произнесла миссис Уайлд. – В таком случае я отправляюсь переодеваться.

Сказав это, она тем не менее с места не сдвинулась, только плотно взяла мужа под руку. Он посмотрел на нее с такой нежностью, что это даже тронуло Найджела.

– Нет, правда, Артур, – продолжила Марджори, – я даже не смогла прочесть ни одну из твоих книг. Там описаны такие ужасы, почти на каждой странице.

– Вы знаете, реакция Марджори на разного рода ножи и вообще колющие и режущие инструменты довольно необычна, – произнес Уайлд. – Даже заслуживает специального исследования.

– Вы, наверное, имеете в виду, что на самом деле она кровожадная? – под всеобщий смех спросила Анджела.

– Ну-ка, ну-ка, давайте посмотрим, – сказал Ренкин, принимая пальто от Василия. Из внутреннего кармана он извлек длинные резные серебряные ножны.

Найджел, стоявший рядом с кузеном, услышал за спиной напряженное сопение. Старый слуга стоял как вкопанный, не сводя глаз с ножен в руках Ренкина. Найджел инстинктивно посмотрел на доктора Токарева. Тот наблюдал за происходящим, стоя у столика с коктейлями. Его лицо было почти безразличным.

– Любопытно, любопытно, – пробормотал сэр Хьюберт.

Ренкин осторожно вынул из серебряных ножен обоюдоострое лезвие и поднял его над головой. Оно вспыхнуло голубизной, отразив каминный огонь.

– Острее, по-моему, не бывает, – сказал Ренкин.

– Артур... – вскрикнула Марджори Уайлд, – не прикасайся к нему!

Но Артур Уайлд уже взял кинжал и направился к стенному светильнику, чтобы лучше его разглядеть.

– Очень интересно! – воскликнул он. – Хендсли, подите сюда и посмотрите.

Сэр Хьюберт присоединился к нему, и они вместе принялись изучать сокровище Ренкина.

– Ну как? – беззаботно поинтересовался Ренкин.

– Как? – повторил его вопрос Уайлд. – А так, что кинжал этот уникален. Может украсить коллекцию любого музея. Видимо, дружище Чарльз, серьезную услугу ты оказал этому человеку, если он отблагодарил тебя подобным образом. Короче говоря, это очень старинный и ценный экспонат. Хендсли и доктор Токарев меня поправят, если я ошибаюсь.

Сэр Хьюберт смотрел на кинжал, слегка прищурившись. Этот особый взгляд знатока проник в глубь веков. Его глазам представился искусный мастер, создавший это чудо.

– Вы правы, Уайлд, совершенно правы. Это очень старая вещь. Родина – скорее всего Монголия. А красота-то какая! – прошептал он и выпрямился.

Найдзелу показалось, что Хендсли стоило большого труда подавить в себе, не дать вырваться наружу бушевавшей внутри алчности подлинного коллекционера.

– Чарльз, – произнес он нарочито безразлично, – вы пробуждаете во мне темные страсти. Это дурно с вашей стороны.

– А что скажет доктор Токарев? – неожиданно спросила Розамунда.

– Я весьма уважаю мнение сэра Хендсли и мистера Уайлда, – произнес русский, – и очень ценю их познания, но все же осмелюсь предположить, что судьба у обладателя этого кинжала незавидная.

Василий стоял не шелохнувшись рядом с Найджелом.

– Что вы имеете в виду? – с вызовом спросила миссис Уайлд.

Доктор Токарев, похоже, не торопился с ответом.

– Возможно, вам приходилось, – начал он наконец, – читать о тайных обществах в России. У меня на родине – а на ее долю выпадали тяжкие испытания и прежде... да и теперь. Так вот, у нас издавна начали возникать тайные «братства». – Последнее слово доктор произнес по-русски. – Символика их и обряды часто носили причудливый характер. Порой в них прева-лировал культ эротики, а иногда – насилия. Расцвет подобного рода «братств» приходится на эпоху правления Петра Великого. Да что там говорить, упоминания об этих «братствах», как правило, довольно глупые и бессмысленные, можно найти в некоторых бульварных английских книжонках. Да и журналисты тоже не отстают. Прошу прощения. – Он кивнул Найджелу.

– Ничего, все в порядке, – пробормотал Найджел.

– Этот кинжал, – продолжил доктор Токарев, – священный. Как бы это выразиться... это символ определенного тайного общества, «братства»... очень старинный. Такие вещи, – голос его внезапно осекся, – не дарят. И его владелец, каким бы благородным человеком он ни был, если он не принадлежит «братству»... его участи не позавидуешь.

Неожиданно Василий бросил короткую фразу по-русски.

– Вот и наш бывший крепостной со мной согласен, – сказал доктор Токарев.

– Василий, а вы можете идти, – произнес сэр Хюберт.

– Уже давно следовало бы подать гонг на переодевание к ужину, – сказал Василий, перед тем как исчезнуть.

– Боже, – воскликнула Анджела, – уже девять часов! Через полчаса ужин. Давайте поторопимся.

– За нами по-прежнему наши старые комнаты? – спросила миссис Уайлд.

– Да... ой, погодите минуточку... ведь мистер Батгейт не знает. Артур, вы покажете ему? Для него отведена малая валлийская комната, а ванная у вас общая. И не опаздывайте, а то повар дяди Хюберта подаст в отставку.

– Упаси Боже! – воскликнул Ренкин с притворным ужасом. – Ну еще по чуть-чуть... и я иду...

Он плеснул в бокал себе и миссис Уайлд тоже, не спрашивая ее согласия.

– Чарльз, ты что, решил меня напоить? – спросила она (ну почему, почему молодые женщины определенного типа так часто в подобных ситуациях задают этот вопрос и находят его очень смешным?). – Артур, а ты меня не жди. Я воспользуюсь ванной Анджелы, когда она закончит.

Анджела и сэр Хюберт уже ушли. Доктор Токарев поднимался по лестнице. Артур Уайлд блеснул стеклами очков в сторону Найджела.

– Вы идете?

– Конечно.

И он последовал за Артуром Уайлдом вверх по пологой лестнице на слабо освещенную площадку второго этажа.

– Вот здесь наша комната, – пояснил Уайлд, указывая на первую дверь слева. – Эту каморку рядом я обычно использую как гардеробную. А вот здесь будете располагаться вы. Между комнатами как раз наша общая ванная.

Найджел очутился в небольшой, довольно милой комнате, обшитой дубовыми панелями. Количество мебели здесь было минимальным – один-два старинных валлийских предмета. В левой стене виднелась дверь.

– Она ведет в общую ванную, – сказал Уайлд, открывая ее. – А с другой стороны можно попасть в мою гардеробную. Я предлагаю вам первому занять ванную.

– Что за чудесный дом!

– Да, прекрасный во многих отношениях. Вы знаете, к Франтоку как-то очень быстро привязываешься. Уверен, с вами произойдет то же самое.

– О, – смущенно произнес Найджел, – я, право, не знаю... это ведь мой первый визит сюда... не уверен, появлюсь ли здесь еще раз.

Уайлд ласково улыбнулся:

– А я уверен, что появитесь. Хендсли никогда не приглашает человека, если не убежден, что захочет пригласить его вторично. А теперь я должен идти и помочь жене отыскать все те вещи, которые она, как ей кажется, забыла дома. Свистните мне, как только покончите с умыванием.

Он открыл дальнюю дверь ванной и скрылся за ней, напевая что-то себе под нос слабеньким приятным тенором.

Обнаружив в комнате свой видавший виды чемодан, Найджел решил времени зря не терять и немедленно отправился в ванную. «Надо же, – подумал он, вспомнив свою скромную квартиру на Ибори-стрит, – как здесь все замечательно устроено. И главное, горячая вода в любое время суток».

Через пятнадцать минут он был вымыт, побрит и одет. Покидая комнату, Найджел слышал, как Уайлд еще плескался в ванной.

Бодро спускаясь вниз, он надеялся, что мисс Анджела тоже выйдет пораньше. В противоположном конце холла дверь справа от лестницы была открыта. За ней виднелась ярко освещенная комната. Найджел вошел и очутился один в большом салоне с зеленой обивкой, имеющем причудливую форму, который заканчивался альковом в форме буквы L. Дальше располагалась еще одна комната, меньших размеров, служившая, по-видимому, одновременно и библиотекой, и охотничьим залом. Здесь восхитительно пахло ремнями, ружейным маслом и сигарами. В камине горел яркий огонь, отражаясь в стволах ружей и револьверов, в изобилии развешанных по стенам. Словно окно в мир приключений, о которых Найджел мог только мечтать.

Он снял со стены ружье фирмы «Менслих» восьмого калибра и начал его рассматривать и тут неожиданно услышал голоса, доносящиеся из салона позади.

Говорила миссис Уайлд, и Найджел, к своему ужасу, обнаружил, что она и ее спутник вошли сюда следом за ним и находятся в салоне уже несколько минут, а он оказался в роли невольного свидетеля их разговора. Все это было очень неприятно, но заявлять о своем присутствии было уже слишком поздно.

– ...и я еще раз хочу тебе сказать, – торопливо говорила она, понизив голос, – ты не имеешь права так мной помыкать... абсолютно никакого права. Ты обращаешься со мной, как будто я у тебя на побегушках.

– Хм, а я-то считал, что это тебе приятно.

У Найджела засосало под ложечкой. Он узнал голос Чарльза. Он услышал, как чиркнула спичка, и представил кузена, наклонившегося прикурить сигарету. Марджори Уайлд тем временем продолжала:

– Чарльз, ты просто невыносим... Ну, дорогой, ну почему у нас с тобой все не как у людей? В конце концов...

– Да, дорогая... Что в конце концов?

– Что у тебя с Розамундой?

– Розамунда? О, это загадочная натура. Она говорит, что я ей слишком нравлюсь, чтобы выйти за меня замуж.

– И ты все это время... со мной... ты... О, Чарльз, неужели ты сам не видишь?

– Вижу-вижу, – слышался бархатный баритон кузена. Эта реплика прозвучала у него вроде бы нежно и в то же время властно.

– Боже, какая я дура, – прошептала миссис Уайлд.

– Ты? Нет, ты не дура, а просто маленькая козочка. Иди ко мне.

Ее бормотание внезапно прекратилось. Наступила тишина. Найджел затаился ни жив ни мертв.

– Ты меня любишь? – слышался шепот.

– Врать не стану. Чего нет, того нет. Но зато ты очень, очень меня привлекаешь. Тебя это устраивает?

– А Розамунду ты любишь?

– О, Марджори, ради бога!

– Я тебя ненавижу, – быстро проговорила она. – Я, кажется, могла бы... могла бы...

– Марджори, успокойся и не устраивай сцен. Ну что ты в самом деле... да перестань же ты брыкаться!..

До Найджела донесся резкий хлопок, происхождение которого сомнений не вызывало. Затем слышались торопливые шаги, шорох открываемой и закрываемой двери.

– Чертовщина какая-то, – задумчиво произнес Чарльз.

Найджел представил, как он потирает покрасневшую щеку ладонью. Минутой позже Чарльз через ту же дальнюю дверь тоже покинул салон. Когда эта дверь открывалась, Найджел слышал в холле голоса.

Прозвучал гонг, созывающий гостей на ужин. Найджел перешел из охотничьего зала в салон.

Внезапно свет в салоне погас, а секунду спустя Найджел слышал, как кто-то открыл дальнюю дверь и затем тихо за собой закрыл.

Найджел застыл на месте. Он напряженно соображал в этой неожиданно наступившей темноте. Что же это получается? Значит, Марджори Уайлд и Ренкин вошли в салон. Разумеется, пока они там находились, в салон никто незамеченным войти не мог. Выходит, этот некто, который сейчас погасил свет и тоже вышел в холл, пришел сюда раньше и скрывался за L-образным альковом. Он видел, как Найджел проследовал в охотничий зал, и так же, как и Найджел, невольно оказался свидетелем сцены, разыгравшейся между миссис Уайлд и Чарльзом.

Глаза Найджела уже привыкли к темноте. Он стремительно ринулся к двери и проник в холл. Внимания на него никто не обратил. Вся компания собралась вокруг Ренкина, который потчевал их одной из своих историй. Так сказать, перед ужином, на закуску. Под взрыв смеха Найджел присоединился к остальным.

– А, вот и он! – воскликнул сэр Хюберт. – Теперь все в сборе? Прошу к столу!

Глава III «Вы убиты»

В субботу во Франтоке никто слишком рано не встает. Найджел спустился к завтраку в полдесятого и оказался за столом один.

Не успел он развернуть «Санди таймс», как позвали к телефону. На другом конце провода был его угрюмый шеф Джеймисон.

– Привет, Батгейт. Извини, что отрываю от шампанского. Ну как там тебе, среди сливок общества?

– Пока не жалуюсь.

– Хорошо, мой мальчик, а теперь послушай: кажется, хозяин дома, где ты гостишь, специалист по России? Или я ошибаюсь? Вроде бы так. Дело в том, что одному поляку, имя его пока неизвестно, здесь, в Сохо, перерезали горло, и вроде бы следы ведут к какой-то их тайной организации в Вест-Энде. У меня, конечно, есть возможности добыть информацию, но было бы совсем неплохо, если бы ты смог кое-что вытащить и из него. Ведь поляки и русские одного поля ягоды. Или поляки все-таки сами по себе? Впрочем, какая разница. Постарайся что-нибудь сделать. Да, чуть не забыл: доброе утро!

Найджел, улыбаясь, повесил трубку и постоял некоторое время в задумчивости. Неплохое начало уик-энда: кинжал, подслушанный разговор в гостиной, теперь вот поляк с перерезанным горлом. Все это забавляло, только вот очень не хотелось бы, чтобы старина Чарльз в этом спектакле исполнял роль первого любовника.

Найджел возвратился в гостиную, а десять минут спустя там появился хозяин и предложил прогуляться по окрестностям.

– Артур засел за доклад для Британской этнологической конференции, доктор Токарев каждое утро посвящает расширению своего словарного запаса и совершает еще какие-то интеллектуальные ритуалы, Анджела хлопочет по хозяйству. Что же до остальных, то они всегда встают так поздно, что я оставил всякую надежду строить в отношении их какие-то планы. Так что, если это не покажется вам скучным...

Найджел пылко заверил его, что ни о какой скуке и речи быть не может. Они вышли. Слабенькое зимнее солнце тщетно силилось согреть голые деревья и заиндевевшие лужайки Франтока. На душе у Найджела неожиданно стало легко и радостно. Его захлестнула волна доброжелательности ко всему существу. Неприятные аспекты взаимоотношений Ренкина и миссис Уайлд, а может быть, и Розамунды Грант были отброшены прочь. Не желая того, он подслушал их разговор. Ну и что? Это надо просто забыть. Охваченный восторгом, Найджел повернулся к сэру Хюберту и несмело признался, как ему все здесь нравится.

– Это очень мило с вашей стороны, – улыбнулся сэр Хюберт. – Я ведь как женщина – очень чувствителен к комплиментам о моих домашних вечерах. Ради бога, приезжайте еще, если ваша журналистика, – а ваша работа хотя и очень интересная, но порой засасывает человека целиком, я это знаю, – позволит вам выкроить время.

Вот сейчас Найджелу представилась великолепная возможность. Собравшись с духом, он поведал сэру Хюберту о звонке из редакции.

– Джеймисон хотел бы через меня получить от вас какие-нибудь сведения об этих обществах, основанные на вашем личном опыте. Если по какой-либо причине вам не хочется говорить на эту тему, то, разумеется, не надо. Но возможно, убийство поляка как-то связано с междоусобицами в этой среде?

– Полагаю, что это возможно, – осторожно заметил сэр Хюберт, – но мне желательно было бы знать подробности убийства. В свое время я написал небольшую монографию, посвященную русским «братствам». Когда вернемся домой, я покажу вам ее.

Найджел поблагодарил его и, не удержавшись, по-журналистски намекнул, не припомнит ли он какую-нибудь изюминку, специально для печати.

– Дайте мне время, и я попытаюсь, – сказал Хендсли. – А почему бы вам не потормозить доктора Токарева? По-моему, он просто битком набит информацией, которая вас интересует.

– Боюсь его рассердить. К тому же, мне кажется, здесь ему не до этого.

– А вам-то что? Он либо прочтет вам пространную лекцию на заданную тему, либо вообще откажется говорить, сопроводив свой отказ многозначительными намеками. С русскими ведь никогда не знаешь точно, как они себя поведут в той или иной ситуации. В общем, попытайтесь.

– Хорошо, попытаюсь, – улыбнулся Найджел, и далее остаток пути они провели в доброжелательном молчании.

Потом, когда вся эта жуткая эпопея во Франтоке завершилась, Найджел всегда вспоминал эту прогулку как один из приятнейших эпизодов тогдашнего его визита в дом сэра Хюберта.

За обедом он вновь возвратился в мыслях к разладу в отношениях между Чарльзом, Розамундой и миссис Уайлд. Он подозревал также, что не все ладно и между Токаревым и Чарльзом. В общем, пищи для размышлений было более чем достаточно.

После обеда все разбрелись кто куда – Хендсли с Токаревым уединились в библиотеке, миссис Уайлд и Ренкин пошли прогуляться, Найджел с Анджелой отправились изучать дом и окрестности, на случай если это понадобится ему при «игре в убийство». Потом они намеревались поиграть в бадминтон. Розамунда Грант и Уайлд тоже куда-то исчезли – порознь или вместе, Найджел не знал. Ему с Анджелой (и ей с ним) было весело, они хорошо разогрелись во время игры и насмеялись тоже вдоволь. В общем, обществом друг друга они были вполне довольны и к чаю в холл возвратились уже будучи на «ты».

– Итак, – объявил Хендсли, когда Анджела наполняла последнюю чашку, – сейчас двадцать пять минут шестого. В полшестого начинается «игра в убийство». К одиннадцати это «убийство» должно свершиться. С правилами знакомы все. Вчера вечером тому, кого он выбрал на роль «убийцы», Василий передал алый жетон. Напоминаю: «убийца», свершив свое темное дело, выключает свет и ударяет в гонг, а каждый из участников игры ни словом, ни намеком не должен выдать тайну, избрал или нет Василий вас на роль «убийцы». «Убийца» имел почти сутки в своем распоряжении, чтобы обдумать план. У меня все.

– Прекрасная речь, шеф, – изрек Ренкин.

– Я прокрадусь им вслед и спрячусь за ковром ²! – весело воскликнул Уайлд.

– Есть вопросы? – спросил Хендсли.

– Такая блестящая речь не оставила ни грана неясности, – пробормотал доктор Токарев.

– Отлично, – радостно закончил Хендсли. – В любом случае давайте пожелаем нашему «убийце» больших успехов.

– А я вовсе не уверена, – заявила миссис Уайлд, – что эта игра такая уж безобидная.

– Да что ты, это не игра, а настоящий триллер, – заметила Анджела.

Сэр Хюберт направился к гонгу и взял в руки массивный молоток, обитый кожей. Глаза всех были устремлены на старинные часы, стоящие в дальнем конце холла. Большая стрелка сдвинулась на деление вниз, и часы низким глубоким тоном возвестили полчаса. В этот самый момент Хендсли ударил в гонг.

– «Убийство» начинается! – по-театральному объявил он. – В следующий раз гонг прозвучит тогда, когда оно свершится... Я приглашаю вас пройти в гостиную.

Найджел, благодарный Василию за то, что тот выбрал не его, прикидывал сейчас в уме, кто бы это мог быть, внимательно следя за поведением каждого, стараясь ни в коем случае не

² Реплика Полония из «Гамлета». Перевод Б. Пастернака. – *Здесь и далее примеч. пер.*

остаться ни с кем из них наедине, полагая, что роль «жертвы» менее привлекательна, чем роль свидетеля или прокурора.

В гостиной миссис Уайлд затеяла игру – неожиданно швырять в кого-нибудь диванной подушкой. И первым, кого она выбрала, оказался доктор Токарев. К удивлению всех, русский после секундного замешательства активно включился в забаву. Когда иностранец начинает дурачиться, это англичан почему-то смущает. А доктору Токареву хоть бы что, он даже получал от этого удовольствие.

– Ну разве это не указывает на загадочность английской природы? – весело произнес он, ловко перехватывая подушку. – Я где-то читал, что, если английская леди запузывает в джентльмена подушкой, это свидетельствует о неутоленном желании.

С этими словами он метнул подушку в миссис Уайлд, и очень метко, так что та, получив удар, потеряла равновесие и рухнула прямо на руки Ренкина. Тот одной рукой прижал женщину к себе, а другой раскрутил подушку и швырнул в лицо доктору.

На мгновение (только на мгновение) Найджел увидел, как вспыхнули глаза доктора Токарева. Но уже в следующую секунду тот сделал шаг назад, слегка поклонился и с улыбкой поднял руки, сдаваясь.

– Ты зачем это обидел нашего доктора?! – неожиданно воскликнула Анджела и, обхватив Чарльза за колени, ловко подсекла его сзади.

– Агу его! – подхватила Розамунда и присоединилась к ней.

Вместе они повалили Ренкина, и началась потасовка. Чарльз за это время не проронил ни слова.

Освободившись наконец от них и отдышавшись, он торжественно объявил:

– Уважаемая публика, вашему вниманию предлагается смертельный аттракцион: СНИМАНИЕ ШТАНОВ С АРТУРА. Нервных прошу отвернуться. Ассистенты, прошу на манеж – Найджел и Хюберт. Начинаем!

«Старина Чарльз, когда разыграется, всегда придумает что-нибудь противное», – думал Найджел, но роль свою исполнял исправно, крепко держа протестующего Уайлда, пока с того снимали штаны. И смеялся вместе со всеми, когда тот стоял, близоруко моргая, бледный и неуклюжий, пытаясь каминным ковриком прикрыть свои обнаженные конечности.

– Вы сбросили мои очки! Где мои очки? – повторял он.

– Дорогой, – почти взвизгнула миссис Уайлд, – что они с тобой сделали? Чарльз, во что ты превратил моего мужа?

– А мне казалось, что я выгляжу восхитительно, – объявил Уайлд. – У кого мои штаны? У тебя, Анджела? Моя северная кровь меня уже не греет. Дай их сюда, дитя мое, а то я сейчас обледенею.

– Вот они, мой милый Адонис, – сказал Ренкин и, выхватив брюки из рук Анджелы, завязал их на шее Уайлда. – Эта картинка называется «Вид сбоку».

– Пойди и надень их, лапочка, – сказала миссис Уайлд, – а то и правда простудишься.

Уайлд покорно скрылся.

– Последний раз я снимал штаны с Артура еще в Итоне, – сказал Ренкин. – Боже, как это было давно.

Он включил приемник и поймал танцевальную музыку.

– Розамунда, пошли потанцуем, – предложил он.

– Не хочу, здесь слишком жарко, – ответила Розамунда, она разговаривала в это время с доктором Токаревым.

– Марджори! – крикнул Ренкин. – А ты? Как насчет того, чтобы немного размяться в ритме?

– Розамунда дала тебе от ворот поворот. Теперь, значит, я...

– Я просто пропускаю этот танец, – объяснила Розамунда. – Тут доктор Токарев рассказывает историю, ей тысяча лет. Я хочу дослушать конец.

– Это история, – пояснил доктор, – об одном господине, – он произнес это по-русски, – знатном господине... и двух леди. Ну, в общем, о том, что мы обычно называем роковым треугольником... История старая как мир.

– Марджори, потанцуй, – попросила Анджела.

Не дожидаясь согласия, Ренкин положил руку на талию миссис Уайлд, и Найджел заметил, что она мгновенно изменилась.

Есть определенный тип женщин, которые в танце обнаруживают глубину чувств и темперамента, которыми не обладают. Миссис Уайлд была одной из таких женщин. Двигаясь в такт упругим синкопам танго, она выпрямилась, расцвела, вся ее фигура, лицо приобрели значительность и источали какую-то неясную опасность. Ренкин танцевал серьезно, с упоением, выступая в двух ипостасях: он был ее хозяином, повелителем и одновременно являлся ее фоном и тенью. Он смотрел ей прямо в глаза, не отводя взгляда, а она, в свою очередь, смотрела на него, недружелюбно, вызывающе, как будто хотела причинить ему боль. Найджел, Анджела и Хендсли перестали разговаривать и не отрывали глаз от этой пары. Уайлд (а он только что вернулся) застыл в дверном проеме. Только русского доктора, похоже, этот танец несколько не интересовал. Он наклонился над приемником и внимательно его изучал.

Вариации закончились, и оркестр перешел к первоначальной теме танго. Танцоры сделали первое па к финальной сцене, и вдруг по ушам присутствующих полоснул грубый скрежет и хрип.

– Что за черт! – сердито обернулся Ренкин.

– Прошу прощения, – спокойно сказал доктор Токарев. – Наверное, я что-то не то здесь крутанул.

– Подождите минутку, – предложил Хендсли, – я снова настрою.

– Не стоит утруждаться. Это было бы глупо... продолжать, – резко ответил Ренкин и, закулив сигарету, пошел прочь от своей партнерши.

– Чарльз, – тихо произнес Хендсли, – мы тут с Артуром обсуждали ваш кинжал. Это действительно очень занятная вещица. Не могли бы вы рассказать ее историю более подробно?

– Все, что я могу рассказать, – произнес Ренкин, – вам уже известно. В прошлом году я был в горах, в Швейцарии, и обнаружил незнакомца, застрявшего в расщелине. Вид у него, надо сказать, был довольно странный. Я помог ему выбраться. Вот и все. При этом я не говорю по-русски, он ни слова не понимает по-английски. Больше я его не видел. Но по-видимому, он проследил, где я живу, скорее всего через моего гида. Потом он, вероятно, узнал мой адрес в Англии. Короче говоря, только вчера мне вручили этот кинжал. К нему была прикреплена записка с двумя словами: «Швейцария. Спасибо». Подписи не было. Я решил, что это от него.

– Продайте его мне, Чарльз, – предложил сэр Хьюберт. – Я дам много больше, чем вы сможете выручить за него в любом другом месте.

– Нет, Хьюберт, продавать его вам я не стану. Я вот что, пожалуй, сделаю: я передам вам его по наследству. Моим единственным наследником является Найджел. Найджел! Послушай, дружище, если я вдруг неожиданно отброшу копыта, кинжал передашь Хьюберту. Понял? А вас всех я прошу быть свидетелями.

– Будет сделано, – послушно ответил Найджел.

– Если учесть, что я на десять лет вас старше, это нельзя считать очень уж заманчивым предложением, – пожаловался Хендсли. – Но тем не менее я предпочел бы закрепить ваши обещания на бумаге.

– Ах вы старый вампир, – засмеялся Ренкин.

– Хьюберт! – воскликнула миссис Уайлд. – Разве можно быть таким кровожадным!

Ренкин подошел к письменному столу.

– Итак, Найджел и Артур, будьте свидетелями.

Он написал на листе бумаги необходимые фразы и поставил подпись. Найджел и Уайлд подписали тоже, как свидетели, и Ренкин передал завещание Хендсли.

– Лучше бы вы его мне продали, – холодно заметил он.

– Прошу прощения, – пробубнил доктор Токарев, – я что-то недопонял.

– В самом деле? – В голосе Ренкина чувствовалось раздражение. – Просто я отдал письменное распоряжение, что в случае если меня настигнет печальный конец...

– Простите, простите... что значит печальный конец?

– О боже! В случае если я умру, или буду убит, или просто исчезну с лица Земли, этот самый кинжал, которым, как вы, доктор Токарев, считаете, я не имею права обладать, этот самый кинжал перейдет в собственность нашего любезного сэра Хьюберта.

– Благодарю вас, – сдержанно произнес доктор Токарев.

– Вы не одобряете мой поступок?

– Разумеется, нет. С моей точки зрения, кинжал вам не принадлежит и, следовательно, вы никакого права не имеете кому-либо его завещать.

– Этот кинжал мне подарен.

– Тот, кто его вам подарил, совершил преступление и должен быть наказан, – спокойно проронил доктор.

– Ну хорошо, – вмешался Хендсли, заметив два опасных алых пятна, вспыхнувших на щеках Чарльза. – Надеюсь, у меня в доме никто ни на кого обижаться не будет. Пойдемте и выпьем коктейль.

Чарльз Ренкин ненадолго задержался в гостиной со своим кузеном. Взяв Найджела под руку, он громко произнес:

– Не очень приятный тип, этот даго³.

– Потише, он может услышать!

– А мне плевать.

У дверей их задержал Уайлд.

– Мне не хотелось бы тебя огорчать, Чарльз, – нерешительно начал он, – но в его доводах есть резон. Я кое-что слышал об этих обществах.

– Да в чем дело, в конце концов? Пойдем лучше и выпьем. Это «убийство» должно быть совершено.

Найджел пристально посмотрел на него.

– Нет-нет, – засмеялся Ренкин, – только не я... Я совсем не это имел в виду. Кто-то, но не я.

– Я ни за что не останусь ни с кем наедине. Ни с кем, – объявила миссис Уайлд.

– Интересно, блефует она или говорит правду, – произнес Хендсли. – А может быть, блефую я?

– Я забираю свою выпивку и немедленно отправляюсь к себе, – сказала Розамунда. – Надеюсь, в ванной меня не настигнет ни один «убийца». И не спущусь на ужин, пока не услышу в холле голоса.

– Розамунда, я иду с тобой, – сказали миссис Уайлд и Анджела одновременно.

– Я ухожу тоже, – объявил доктор Токарев.

– Погодите! – позвал Хендсли. – Я иду с вами. Мне вовсе не хочется проделать этот путь по лестнице одному.

В холле остались только Найджел, Ренкин и Уайлд.

– Можно я пойду в ванную первым? – спросил Найджел.

³ Даго – презрительная кличка иностранца в Англии.

– Конечно, – согласился Уайлд, – нам с Чарльзом оставаться наедине не страшно. Если один из нас предпримет какие-либо действия, вы в два счета сможете определить «убийцу». Ванная мне понадобится через десять минут.

Найджел взбежал по лестнице, оставив их допивать свой коктейль. Он быстро принял ванну и не спеша одевался. Эта «игра в убийство» и впрямь прелюбопытное развлечение. Ему казалось наиболее вероятным, что алый жетон Василий вручил своему соотечественнику. Найджел решил не спускаться вниз до тех пор, пока не услышит голос доктора Токарева. «Ведь самое простое для него, – думал он, – это подстеречь меня, когда я буду открывать дверь. А потом он как ни в чем не бывало сойдет вниз и, выбрав удобный момент, выключит свет и ударит в гонг. Затем он скроется в темноте и переждет две минуты, а после будет суетиться больше всех, громко вопрошая, кто бы это мог сделать. Неплохой план, ей-богу».

Он услышал, как открылась дверь ванной комнаты. Секунду спустя послышался шум воды из кранов и голос Уайлда:

– Ну как, Батгейт, кровопротития еще не произошло?

– Пока нет! – крикнул в ответ Найджел. – Но я пока опасаюсь спускаться в холл.

– Давайте обождем Марджори, – предложил Уайлд. – А когда она будет готова, спустимся вместе. Если вы не согласны, я буду знать, кто «убийца».

– Все в порядке, я согласен, – весело отозвался Найджел.

Он услышал, как Уайлд тоже засмеялся и передал свое предложение жене. Она, по-видимому, еще переодевалась в задней комнате.

Найджел подошел к туалетному столику у кровати и взял в руки книгу, которую читал вечером накануне. Это была «Неизвестность» Джозефа Конрада. Он раскрыл ее, и тут неожиданно послышался легкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Найджел.

Появилась горничная, очень смущенная и очень симпатичная, можно сказать красивая.

– Прошу прощения, сэр, – начала она, – но, кажется, я забыла приготовить вам воду для бритья.

– Все в порядке, – сказал Найджел. – Я приготовил ее сам.

Внезапно комната погрузилась в кромешную темноту.

Найджел стоял в этой тьме, густой, как деготь, с невидимой книгой в руке, а в это время прозвучал гонг. Вернее, он прозвучал раньше, скорее всего даже раньше, чем погас свет, но до Найджела только сейчас дошел его звук. Какой-то пугающе первобытный, он был как будто исторгнут огромным горлом этого дома. Звук гонга, достигнув комнаты, суетливо покружил в ней и неохотно растворился в пространстве. В наступившей затем тишине был отчетливо слышен шум воды в ванной. Вскоре послышался растерянный голос Уайлда:

– Послушайте... Значит, это...

– Это значит, что фокус удался! – крикнул Найджел. – Теперь ждем две минуты – и вперед. У меня часы со светящимися стрелками, я крикну, когда можно выходить.

– Ну а как же я? Что мне, так и сидеть в этой ванне? – горестно запричитал Уайлд.

– Вы что, краны закрыть не можете?.. Вот так. Теперь вытащите пробку и попытайтесь нащупать полотенце. А Чарльза вы оставили внизу?

– Да. Он все никак не мог успокоиться после стычки с доктором Токаревым. Кстати, как вы думаете?.. – Голос Уайлда стал почти неразборчив. По-видимому, ему удалось найти полотенце.

– Все! Время! – сказал Найджел. – Я выхожу.

– Зажгите свет, ради всего святого, – взмолился Уайлд. – Если я немедленно не найду свои штаны, то пропущу самое интересное.

Из дальней комнаты возбужденно пропищал голос его жены:

– Артур, подожди меня!

– Да жду я тебя, жду, куда я денусь в такой темноте, – обиженно пробормотал Уайлд.

Найджел зажег спичку, чтобы найти дверь. В холле второго этажа было совсем темно, но дальше, на лестнице, то и дело вспыхивали огоньки спичек, освещая драматически напряженные лица. Внизу, в холле, уютно поблескивал огонь камина. Дом был полон голосами гостей: кто-то все время кого-то звал, спрашивал, смеялся. Прикрыв спичку рукой, Найджел начал осторожно ступать вниз по лестнице. Спичка погасла, но теперь дорогу освещал огонь камина. Найджел обогнул лестницу и нащупал главный выключатель.

Стоя рядом с ним, он на мгновение заколебался. Непостижимо, странно, но ему почему-то не хотелось, чтобы рассеивалась тьма. Не хотелось, и все. Он стоял, держа руку на выключателе, и на это мгновение (а сколько их было, этих мгновений, кто скажет?) время как будто бы для него остановилось.

С лестницы раздался голос Хендсли:

– Кто-нибудь нашел выключатель?

– Здесь я, – ответил Найджел и сделал движение рукой.

Внезапный яркий свет ослепил всех. По лестнице осторожно спускались Уайлд, его жена, Токарев, Хендсли и Анджела. Найджел, моргая, обошел лестницу. Перед ним был столик для коктейлей, а рядом большой ассирийский гонг.

Под углом к гонгу, уткнувшись лицом в стол, лежал человек.

Найджел, все еще моргая, повернул голову к остальным.

– Так ведь это... – произнес он, тревожно вглядываясь в них, – так ведь это... он.

– Это Чарльз! – пронзительно вскрикнула миссис Уайлд.

– Бедняга Чарльз! – беспечно проговорил Хендсли. – Ему не повезло.

Тесня друг друга, они столпились вокруг. Только Ренкин оставался неподвижным.

– Не прикасайтесь к нему... никто не должен прикасаться к телу, – предупредила Анджела. – Мы все должны помнить правило: тело трогать нельзя. Таковы условия игры.

– Прощу прощения. – Доктор Токарев мягко отодвинул ее в сторону. Он взглянул на Найджела, который не сводил глаз с кузена, и медленно наклонился. – Эта юная леди права, – произнес доктор Токарев. – Без всякого сомнения, его трогать сейчас нельзя.

– Чарльз! – внезапно закричала миссис Уайлд. – Боже мой! Чарльз!.. Чарльз!

Но Ренкин не отвечал. Он тихо и как-то тяжело лежал. А когда глаза присутствующих привыкли к свету, они увидели, что точно посередине между лопатками у него торчит рукоятка русского кинжала.

Глава IV

Понедельник

Старший инспектор Скотланд-Ярда Аллейн столкнулся в коридоре с инспектором Бойзом.

– Говорят, у вас новое дело? – спросил инспектор Бойз. – Что-нибудь интересное?

– Пока не знаю, – ответил Аллейн. – Убийство в загородном доме.

Он поспешил в главный коридор, где встретился с сержантом Бейли, который держал в руках приспособление для снятия отпечатков пальцев, и сержантом Смитом, нагруженным камерой. Во дворе их ждал автомобиль. Через два часа они уже стояли в холле Франтока.

Местный констебль Банс поедал инспектора глазами.

– Очень неудачно получилось, сэр, – говорил он со значением. – Суперинтендант ⁴ слег с сильной простудой, поэтому мы немедленно сообщили в Ярд. Обследование провел полицейский врач доктор Янг.

Вперед вышел бледноватый человек с волосами песочного цвета.

– Доброе утро, – сказал инспектор Аллейн. – Надеюсь, с медицинской точки зрения сомнений нет?

– С глубоким сожалением должен констатировать, что абсолютно никаких, – сказал доктор. Произношение выдавало в нем шотландца. – Меня вызвали сразу же, как обнаружили труп. Я установил, что смерть наступила примерно полчаса назад. Самоубийство и несчастный случай исключены. У здешнего суперинтенданта грипп, и в связи с этим он исполнять свои обязанности неспособен. Я попросил по поводу этого дела его не беспокоить. Здесь еще имеются особые обстоятельства: дело в том, что все это произошло в доме сэра Хюберта. Поэтому местная полиция решила обратиться в Скотланд-Ярд.

Доктор Янг внезапно прекратил говорить, как будто кто-то вдруг повернул ручку и уменьшил громкость до минимума. Потом он издал горлом глубокий и довольно неприятный звук.

– А где тело? – осведомился инспектор Аллейн.

Констебль и доктор заговорили одновременно.

– Прошу прощения, доктор, – сказал констебль Банс.

– Его перенесли в кабинет, – объяснил доктор. – К моменту моего прибытия тело уже основательно потревожили, поэтому я не увидел никакого смысла оставлять его здесь, в холле.

– Где он лежал?

– Вот здесь. – Доктор пересек холл, инспектор Аллейн последовал за ним. Пол перед гонгом был чисто вымыт, чувствовался запах дезинфекции.

– Лицом вниз?

– Первоначально, я думаю, да. Но как я уже упоминал, тело переместили. Ему всадили в спину его собственный кинжал, русско-китайского происхождения, точно между лопатками, причем под таким углом, что кинжал пронзил сердце. Моментально.

– Понятно. Ну, исполнять свою ритуальную песню, а вместе с ней и танец по поводу перемещения тела и мытья полов, я полагаю, теперь бессмысленно. Ущерб делу нанесен, и немалый. Это мы должны просто зафиксировать. Доктор Янг, вам ни в коем случае не следовало допускать этого. Даже несмотря на то, как сильно от первоначальной позиции изменилось положение тела.

Доктор Янг выглядел крайне смущенным.

⁴ Суперинтендант – старший полицейский чин после инспектора.

– Я очень сожалею. Сэр Хюберт настаивал. Это было очень трудно... отказать ему.

– Как вы считаете, смогу я перекинуться парой слов с сэром Хюбертом? – спросил Аллейн. – Прежде чем мы двинемся дальше, я имею в виду.

– Думаю, вы сможете это сделать некоторое время спустя. Он, разумеется, в шоке, и я посоветовал ему на пару часов прилечь. Его племянница, мисс Анджела Норт, ожидает вас. А потом она сообщит ему о вашем прибытии. Я сейчас пойду позову ее.

– Спасибо. Кстати, а где остальные гости?

– Они все были строго предупреждены, – умело ввернул наконец констебль Банс, – что покидать дом запрещено. Кроме того, я предложил им не заходить в холл и гостиную, а собираться в библиотеке. Сэр, за исключением того, что помыли пол, никто здесь больше ничего не трогал. Ничего. И в гостиной тоже. На всякий случай.

– Великолепно. А ведь злые языки нагло утверждают, что наша полиция плохо работает. Ну и где же они все-таки?

– Одна из дам находится в постели, остальная компания собралась в библиотеке, – он показал большим пальцем назад, через плечо, – обсуждают случившееся.

– Это должно быть очень интересно, – заметил инспектор без тени иронии в голосе. – Доктор Янг, не будете ли вы так любезны пригласить мисс Норт.

Доктор поспешил наверх, а инспектор Аллейн провел краткое совещание со своими подчиненными.

– Сомневаюсь, Бейли, что вам удастся здесь найти что-нибудь стоящее, – заметил он эксперту по дактилоскопии. – До нас тут хорошо полазили. Думаю, вы найдете здесь отпечатки всех обитателей дома. Но все же попытайтесь, пока я буду разговаривать с людьми. А вы, сержант Смит, сделайте снимки места, где было найдено тело, и, разумеется, самого тела.

– Слушаюсь, сэр.

Констебль Банс заинтересованно прислушивался.

– Вам прежде приходилось заниматься делами такого рода, констебль? – спросил инспектор.

– Никогда, сэр. Самое большее, на что здесь способны, сэр, – это мелкое воровство... ну, и еще превышение скорости. А так больше ничего. Жизнь в деревне, как видите, тоже имеет свои преимущества. А в доме сейчас находится репортер одной из лондонских газет.

– Вот как! Что вы имеете в виду?

– Это мистер Батгейт, сэр, из «Гудка». Он один из гостей, сэр.

– А вот это уже настоящее везение, – сухо заметил инспектор Аллейн.

– Да, сэр. Он здесь, сэр.

Сверху спускались Анджела, доктор и Найджел. Девушка была чрезвычайно бледна, но весь вид ее свидетельствовал о твердом намерении с достоинством перенести любые испытания. Инспектор Аллейн встретил их у подножия лестницы.

– Я сожалею, что вынужден вас побеспокоить, – сказал он, – но, как я понял доктора Янга...

– Все в порядке, – сказала Анджела. – Мы вас ждали. Это мистер Батгейт, который оказывает мне сейчас большую помощь. Он... он кузен мистера Ренкина.

Найджел пожал руку инспектору. С тех пор как он увидел Чарльза, лежащего лицом вниз, такого отчужденного, безнадежно холодного, с ним произошла неясная метаморфоза. Он любил Чарльза, это несомненно. Но сейчас не ощущал ничего – ни печали, ни ужаса, ни даже жалости. Один только противный холод внутри.

– Я очень извиняюсь, – сказал инспектор Аллейн, – но вам, по-видимому, неприятно находиться здесь. Могли бы мы пройти еще куда-нибудь?

– В гостиной сейчас никого нет, – сказала Анджела. – Пойдемте туда.

Они расположились в гостиной, где вчера после полудня Чарльз Ренкин танцевал с мисс Уайлд танго. Анджела и Найджел, рассказывая по очереди, восстановили инспектору всю историю их «игры в убийство».

У Анджелы было достаточно времени внимательно рассмотреть своего первого в жизни детектива. Аллейн был далек от любого стереотипа. Он был не похож на полицейского в штатском – никакого там пытливого пронзительного взгляда и всего прочего. Он напоминал одного из друзей дяди Хюберта, человека их круга. Очень высокий, худощавый мужчина с темными волосами и серыми глазами. А уголки этих глаз были повернуты книзу. Получалось, будто глаза улыбаются, а рот нет. «Руки и голос у него просто превосходные», – подумала Анджела и от этого вдруг почувствовала себя менее несчастной.

Впоследствии Анджела призналась Найджелу, что инспектор Аллейн ей понравился. В разговоре с ней он не выказал ни малейшего намека на какой-то личный интерес. При других, менее трагических, обстоятельствах это, конечно, бы ее задело, как и любую современную девушку, но сейчас она была даже рада его отчужденности. Маленький доктор Янг сидел рядом и слушал, издавая изредка свои характерные горловые звуки. Аллейн сделал несколько заметок в своем блокноте.

– Значит, вы говорите, – пробормотал он, – что игра ограничивалась пятью с половиной часами. То есть она начиналась в пять тридцать и закончиться должна была к одиннадцати. Закончиться «судебным разбирательством». Тело было обнаружено без шести минут восемь. Доктор Янг прибыл тридцатью минутами позже. Так, так, позвольте мне это записать. У меня, знаете ли, чрезвычайно дырявая память.

Вот такое необычное и совсем неубедительное замечание завершило их беседу.

– А теперь, если вы не возражаете, – сказал инспектор, – я хотел бы встретиться с остальными обитателями дома. По очереди, конечно. А тем временем, мисс Норт, пока мы с доктором Янгом будем двигаться к кабинету, может быть, вы выясните, сможет ли сэр Хюберт повидаться со мной?

– Конечно, – согласилась Анджела и повернулась к Найджелу: – Ты подождешь меня здесь?

– Я подожду тебя, Анджела, – сказал Найджел.

В кабинете инспектор Аллейн склонился над безмолвно распростертым телом Ренкина. Он разглядывал его целых две минуты с плотно сжатыми губами. При этом уголки губ, ноздри и лучики морщин у глаз инспектора слегка подрагивали. Он напоминал сейчас привередливого покупателя, рассматривающего товар. Затем Аллейн нагнулся и перевернул тело на бок, внимательно изучая (но не прикасаясь к рукоятке) кинжал, по-прежнему торчащий оттуда, куда загнал его мощный удар, который пробил толщу мышц Ренкина и пронзил его сердце.

– Вот здесь вы мне можете оказать неоценимую помощь, – произнес Аллейн. – Удар, разумеется, нанесли сверху. Выглядит ужасно, не правда ли? Точка входа вот здесь. Похоже, работал специалист.

Маленький доктор, которого прежние упреки инспектора изрядно задели, был рад реабилитироваться.

– Нападавший должен был обладать изрядной силой и, осмелюсь заметить, определенным знанием анатомии. Лезвие вошло в тело справа от левой лопатки, точно между третьим и четвертым ребрами, не задев при этом позвоночник. Оно вошло под острым углом и пронзило сердце насквозь.

– Да, так я примерно себе и представлял, – тихо произнес Аллейн. – Но есть ли вероятность, что это могло произойти случайно?

– Случайно? – сдержанно переспросил доктор. – Я думаю, нет.

Глаза инспектора осветились слабой улыбкой.

– Пожалуйста, доктор Янг, – произнес он мягко, – я вижу, у вас есть какие-то догадки. Можете со мной поделиться.

Маленький доктор шмыгнул своим крохотным пороссячим носом и с вызовом посмотрел на инспектора.

– Я понимаю так, что при подобных обстоятельствах лучше всего держать язык за зубами, но, возможно, сейчас, без посторонних...

– Именно без посторонних, – заметил инспектор Аллейн. – Каждый детектив чем-то похож на священника. Так что смелее, доктор Янг.

– Я могу только вот что сказать: до моего прибытия сюда тело было перевернуто, а затем возвращено в исходное положение. И сделал это русский джентльмен, именуемый себя доктором. И это несмотря на то что меня вызвали сразу же, как обнаружили тело. Возможно, там у них, в Советской России, на эти тонкости профессионального этикета никто внимания не обращает.

Инспектор Аллейн внимательно посмотрел на него.

– Определенные знания анатомии, говорите? – пробормотал он себе под нос – А... ладно, мы увидим то, что увидим. Ну почему, – продолжил он, осторожно укладывая Ренкина в первоначальное положение, – его лицо такое непроницаемое? Ну хоть бы что-нибудь было на нем написано. Так, так... А теперь я хотел бы, если это возможно, встретиться с сэром Хьюбертом.

– Сейчас выясню, – произнес доктор Янг и оставил Аллейна с Чарльзом наедине.

Хендсли уже ждал в холле. С ним были Анджела и Найджел. Найджел был поражен переменной, произошедшей с сэром Хьюбертом после смерти Чарльза. Хендсли был мертвенно бледен, его руки тряслись, и двигался он с большим трудом.

Аллейн вышел в холл, и доктор Янг представил его сэру Хьюберту.

– Извините, что заставил вас ждать, – произнес Хендсли. – Теперь я вполне готов ответить на любой вопрос, который вы пожелаете мне задать.

– Ну, в настоящую минуту их не так уж много, этих вопросов, – сказал Аллейн. – Мисс Норт и мистер Батгейт дали мне достаточно ясное представление о том, что случилось здесь вчера. Не могли бы мы пройти в какую-нибудь другую комнату?

– Вот здесь рядом – гостиная, – предложил Хендсли. – Вы хотели бы говорить с нами по очереди?

– Это было бы самое лучшее, – согласился Аллейн.

– Все остальные в библиотеке, – сказал Найджел.

Хендсли повернулся к детективу:

– Так приглашать их в гостиную?

– Мне хотелось бы сейчас задать несколько вопросов вам. А остальные подойдут туда позже. Сэр Хьюберт, если я правильно понял, мистер Ренкин был вашим давним другом?

– Практически я знал его всю жизнь. Все еще не могу постигнуть, до меня все еще не доходит, что же все-таки произошло. Это ужасно, это невероятно. Такая трагедия. Все мы его хорошо знали. Нет, его убил кто-то посторонний. Только так.

– Сколько слуг вы держите в доме? Я увижусь с ними позднее, а сейчас хотел бы, чтобы вы мне их только назвали.

– Да-да, конечно. Это ведь обязанность каждого – дать о себе подробный отчет. Ну, а мои слуги... они все у меня уже много лет. Все. Я не могу представить, чтобы у них были какие-нибудь мотивы.

– Мотивы... ну, о них мы сейчас говорить не будем. Не могли бы вы мне их перечислить, ваших слуг?

– Мой дворецкий по происхождению украинец, но всю жизнь прожил в России. Он начал служить у меня двадцать лет назад, когда я работал в Петербурге.

– С мистером Ренкином он был хорошо знаком?

– Очень хорошо. Ренкин регулярно бывал здесь в течение многих лет и всегда поддерживал прекрасные отношения со всеми моими слугами.

– Мне сказали, что кинжал этот происходит из России.

– Сделан он, по-видимому, во времена татаро-монгольского владычества, но исторически происходит из России, – сказал сэр Хюберт и кратко изложил историю кинжала.

– Хм, – задумчиво произнес Аллейн, – я где-то слышал такое забавное русское выражение: «Поскребите любого русского – и вы обнаружите под ним татарина». А ваш слуга видел эту уникальную музейную вещь?

– Да, видел. Я точно помню, он был в холле, когда Ренкин впервые продемонстрировал кинжал.

– Он прокомментировал это как-нибудь?

– Василий? Нет. – Хендсли заколебался и повернулся к Анджеле и Найджелу. – Хотя, постойте, по-моему, он что-то сказал доктору Токареву об этом кинжале, о том, что он принадлежит «братству»?

– Да, сказал, – медленно произнес Найджел. – Он сделал какое-то замечание по-русски. Доктор Токарев заметил: «Этот бывший крестьянин согласен со мной», – а вы, сэр Хюберт, еще сказали тогда Василию, что он может идти.

– Именно так и было, – подтвердила Анджела.

– Понятно. Удивительное совпадение, вы не находите? Этот кинжал, ваш дворецкий и ваш гость – все они одной национальности.

– Не так уж все это и странно, – заметила Анджела. – Дядя Хюберт всегда интересовался Россией, особенно после войны⁵. Чарльз был хорошо знаком с его коллекцией оружия и специально привез этот ужасный кинжал, чтобы дядя Хюберт смог на него посмотреть.

– Вас и в самом деле заинтересовал этот кинжал как коллекционера?

Хендсли поморщился и посмотрел на Анджелу.

– Этот кинжал заинтересовал меня чрезвычайно. Я тут же предложил его купить.

– В самом деле? И что же, Ренкин согласился его продать?

Возникла неловкая пауза. Найджел судорожно придумывал, что бы такое сказать, но тут тишину нарушила Анджела.

– Дядя Хюберт, – мягко сказала она, – вы устали. Разрешите я все объясню мистеру Аллейну.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к детективу.

– Вчера вечером Чарльз Ренкин написал завещание, согласно которому после его смерти кинжал переходит в собственность моего дяди. Это завещание засвидетельствовали мистер Батгейт и мистер Артур Уайлд, еще один наш гость. Но все мы, разумеется, воспринимали это как шутку.

Аллейн молча что-то писал в своем блокноте.

– Возможно, позднее мне захочется ознакомиться с этим документом, – сказал он, покончив с записями, – а сейчас поговорим об остальных слугах.

– Они все англичане, – сказала Анджела, – за исключением повара. Он француз. И так, в доме есть три горничные, две уборщицы, еще одна молодая лондонка, она работает на кухне. Кроме того, у нас есть буфетчик – во время больших приемов он помогает Василию, – кухарка и подсобный рабочий.

– Спасибо. Мистер Батгейт, вот вы, как кузен мистера Ренкина, как вы считаете, были у него враги? Разумеется, это детский вопрос, но я все равно решил его вам задать.

– Насколько мне известно, нет, – ответил Найджел. – Но теперь стало очевидным, что хотя бы один враг у него был.

⁵ Имеется в виду Первая мировая война.

– А как вы считаете, кому-нибудь была выгодна его смерть?

– Выгодна? – Голос Найджела внезапно осекся. – Боже мой, да прежде всего мне. Не сомневаюсь, почти все его состояние унаследую я. Так что вам лучше всего меня сразу же арестовать. Чего там гадать, это я его убил. Из-за денег, конечно.

– Молодой человек, – кисло поморщился Аллейн, – ваше заявление меня невероятно смутило. Видите, я уже покраснел. Ну не надо, прошу вас. Это же глупо до чрезвычайности. Такой драматический монолог, да еще на публике. Возьмите себя в руки и дайте мне возможность вести расследование. Оно и без того не сулит никаких приятных моментов, уверяю вас. Замечание инспектора оказало на Найджела целебное действие.

– Прошу прощения, – смущенно произнес он, – вырвалось у меня, даже сам не знаю как.

– Ничего, это бывает. А теперь я хотел бы познакомиться с гостями. Констебль говорил что-то насчет библиотеки. Я прошу вас, присылайте их ко мне в гостиную по одному. А вас, мисс Норт, я попрошу собрать слуг.

– Миссис Уайлд лежит в своей комнате, в постели, – сказала Анджела. – Она очень переживает.

– Мне очень жаль, но присутствовать должны все.

– Хорошо, я ей скажу. – Анджела направилась к лестнице.

Первым в гостиной появился Артур Уайлд. Найджел с сэром Хюбертом вышли в сад. Видимо, беседа с гостями у детектива была недолгой, потому что не успел Найджел выкурить и двух сигарет, как появился констебль Банс с сообщением, что теперь старший инспектор к услугам сэра Хюберта. Они вошли в помещение и вместе с Анджелой направились в большую библиотеку, которая располагалась за гостиной и малой оружейной. У дверей сэр Хюберт задержался и внимательно посмотрел на инспектора.

– В вашей визитной карточке написано, что вас зовут Родерик Аллейн, – произнес он учтиво. – Мне доводилось учиться в Оксфорде с одним славным человеком, носящим такую же фамилию. Случайно, это не ваш родственник?

– Возможно, – вежливо ответил инспектор, но развивать эту тему не стал. Он пропустил Найджела вперед и последним вошел в библиотеку. Здесь собрались все, за исключением Марджори Уайлд. Доктор Токарев стоял у камина и, поблескивая очками, о чем-то серьезно вещал. В дальнем конце комнаты сидела Розамунда Грант, тщательно одетая, бледная как мел, безучастно глядя перед собой. Артур Уайлд с напряженным вниманием и скептической миной на лице якобы внимал разглагольствованиям Токарева. У окна стоял доктор Янг.

– ...бывают случаи, когда человек ведет двойную жизнь, – продолжал говорить доктор Токарев, – но это ужасное преступление...

Внезапно он осекся, увидев Хендсли и Аллейна.

– Инспектор Аллейн, – объявил Хендсли, – хочет поговорить со всеми нами.

– Но с нами вроде бы уже поговорили, – начал Токарев, – охота вроде бы началась. Прошу прощения, но мне бы хотелось выяснить...

– Не угодно ли всем сесть за этот стол? – быстро произнес Аллейн, оборвав плавное течение басовых нот Токарева.

Все направились к большому письменному столу у окна и уселись вокруг него. Аллейн занял председательское место.

– Итак, начнем! – спокойно провозгласил он. – В этом доме убит человек. Случилось это вчера вечером без пяти минут восемь. Есть вероятность, – но повторяю, это только вероятность, – что преступление совершил кто-то из посторонних. В связи с этим до тех пор, пока расследование не будет закончено, ни один из вас не может покинуть Франток. В вашем распоряжении дом и его окрестности. Если кто-либо из вас вознамерится прогуляться, прошу дать мне знать, и, если возникнет необходимость, я обеспечу надлежащее сопровождение. В

течение ближайшего часа после этой короткой беседы я прошу вас не покидать библиотеку. Это время мне необходимо, чтобы обследовать холл и гостиную.

Аллейн закончил, все тягостно молчали. Затем заговорила Розамунда Грант:

– И как долго будет длиться этот домашний арест?

Ее голос, ровный и безучастный, внезапно и пугающе напомнил Найджелу голос Чарльза.

– Расследование скорее всего продлится до четверга, – ответил Аллейн. – А до этих пор я буду вынужден просить вас оставаться здесь.

– А так ли это необходимо? – спросил Хендсли. – Разумеется, я весьма заинтересован в успешном проведении расследования, но, с другой стороны, полагаю, некоторые гости, миссис Уайлд например, желали бы как можно скорее покинуть мой дом, чтобы избавиться от неприятных ассоциаций.

В его голосе послышались незнакомые доселе, чуть ли не молящие нотки, и Найджел преисполнился к нему жалостью.

– Сэр Хюберт, – проговорил он быстро, – вам случившееся перенести значительно труднее, чем любому из нас. Если надо здесь остаться, мы останемся, и я уверен, что каждый из нас постарается сохранить благоразумие и оказать следствию посильную помощь. При таких обстоятельствах все личные соображения должны отправляться ко всем чертям. Может быть, я что-то не то говорю, но...

– Я полностью с вами согласен, – проронил Уайлд, – это неудобно, но что такое неудобно перед лицом трагедии. Уверен, моя жена все это правильно поймет.

Как раз в этот момент отворилась дверь и вошла Марджори Уайлд.

Поведение присутствующих, напряженное их молчание и вообще напряжение, висящее в воздухе, ее опоздание – все это делало появление миссис Уайлд похожим на театральный выход. Сама же она в данный момент менее всего походила на актрису. Косметики на ней было меньше, чем когда-либо, а в одежде присутствовало что-то определенно напоминающее траур.

– Прошу прощения, что заставила себя ждать, – пробормотала она и тихо проследовала к месту, где сидел ее муж.

Артур Уайлд подал ей стул. Наконец-то за столом собрались все.

– С общими принципами этой игры, которая закончилась столь трагически, я примерно знаком, – вновь заговорил Аллейн, – но точно не представляю, что должно было произойти, если бы случилось не реальное, а шуточное убийство. Что там положено было делать по игре?

Он повернулся к Уайлду.

– Мы должны были, – сказал Уайлд, – немедленно собраться на «судебное разбирательство», с «судьей» и «прокурором». Каждый из нас имел право задавать другим любые вопросы. Цель – определить «убийцу», то есть того из нас, кому Василий накануне вручил алый жетон.

– Большое спасибо. Я понял. Но ведь вы, насколько я понял, этого не сделали?

– Боже мой, инспектор, – взорвался Найджел, – за кого вы нас принимаете?

– Как за кого? – мрачно произнесла Розамунда. – Конечно же, за преступников.

– Я считаю, что «игра в убийство» должна быть завершена, – продолжил Аллейн как ни в чем не бывало. – Предлагаю провести «суд» в полном соответствии с тем, что планировалось. Роль прокурора буду играть я. Хотя и не очень я искушен в подобного рода делах, но постараюсь. А вот судьи у нас не будет. Это единственное, пожалуй, отличие от оригинальной версии игры, надеюсь, не помешает нам определить получателя алого жетона.

– Ну, здесь никаких трудностей не предвидится, – сказал Уайлд. – Алый жетон Василий вручил вчера мне.

Глава V

«Суд»

Заявление Артура Уайлда произвело эффект, намного превышающий его реальное значение. Вот и Найджел вначале дернулся, взволновался, а немного спустя одумался: ну идентифицировали носителя алого жетона, ну знаем мы его – ну и что? Ведь никто из присутствующих всерьез и не думал вычислять этого «злодея с жетоном». Все. Игра закончена.

Снова воцарилось молчание.

– Большое спасибо, мистер Уайлд, – произнес Аллейн. – В таком случае вы будете первым свидетелем. Вам этот жетон передали за ужином?

– Да. Василий сунул его мне в руку, когда я накладывал салат.

– Вам удалось сформировать какой-то определенный план того, как вы будете вести эту роль в игре?

– Ну так, только в общих чертах. Я как раз обдумывал это, лежа в ванне. В соседней комнате копошился мистер Батгейт. Его в качестве «жертвы» я сразу же отверг – слишком очевидно. А потом я услышал гонг, погас свет. Вначале я намеревался крикнуть, что это не «убийца», что это случайное совпадение, но потом решил, что этот инцидент поможет мне выполнить задачу. Я вылез из ванны и начал одеваться. Мне показалось, что сейчас, в темноте, я легко смогу найти «жертву». Я...

Его прервал голос Хендсли.

– В чем дело, мистер Хендсли? – мягко спросил Аллейн.

– Ах, это были вы, Артур, кто налетел на меня в холле второго этажа и прошептал на ухо: «Вы убиты»?

– А вы мне ответили: «Перестаньте валять дурака», – ответил Уайлд. – Я тогда решил не испытывать судьбу и ретировался.

– Одну минутку, – прервал его детектив. – Дайте мне сообразить. Надо же, как все запутано. Значит, когда прозвучал гонг, вы, мистер Уайлд, находились в ванной. Точно зная, кто «убийца», вы решили, что в гонг ударил кто-то случайно. Так?

– Я подумал, что это сигнал к ужину, а свет погас из-за того, что перегорели пробки.

– Так-так, понимаю. Стало быть, вы притаились и решили напасть на кого-нибудь в темноте?

– Да, – спокойно ответил Уайлд.

«Ну и зануда этот детектив», – подумал Найджел.

Аллейн же тем временем продолжал:

– Значит, вы вышли в холл второго этажа, кинулись к сэру Хюберту и внезапно произнесли ключевую фразу. Верно? А вы, сэр Хюберт, подумали, что он дурачится?

– Разумеется. Ведь сигнал уже был подан. Сам не знаю почему, но мне показалось... мне показалось, что его подал Ренкин.

– Мистер Уайлд, – сказал Аллейн, – вас, конечно, не удивит, если я задам вам сакраментальный вопрос, фигурирующий почти во всех детективных романах: когда вы в последний раз видели мистера Ренкина?

– Мы беседовали в холле, перед тем как отправиться переодеваться к ужину. Чарльз еще говорил, что, мол, не важно, кто из нас «он», потому что все равно воспользоваться случаем мы не сможем – всем известно, что только мы двое остались в холле.

– Да, это верно. И мистер Ренкин остался потом в холле один, когда вы поднялись наверх?

– Да.

– Кто-нибудь видел вас внизу вместе?

Уайлд на мгновение задумался.

– Да, я припоминаю, через холл проходила горничная Мэри. Она закрывала входную дверь и еще была там, когда я поднимался наверх. Я спросил у нее, правильно ли идут часы в холле. И она ответила: «Да, сейчас без десяти восемь». А я воскликнул: «Боже, опаздываю!» (или что-то в этом роде) – и поспешил наверх.

– Отсюда вытекает, что мистер Ренкин находился в холле в полном одиночестве примерно с семи пятидесяти до без пяти восемь, когда он был убит. То есть около четырех минут. Благодарю вас, мистер Уайлд.

Аллейн сделал короткую пометку в блокноте и оглядел присутствующих.

– Не желает ли кто задать вопрос? Уверю вас, я буду это только приветствовать.

Тишину взорвала миссис Уайлд. Глядя на своего мужа со странной отчужденностью, она нервно произнесла:

– Мне хотелось бы знать, о чем вы говорили с Чарльзом здесь, в холле?

В первый раз Артур Уайлд заметно поколебался с ответом.

– Я не думаю, – наконец сказал он, – что предмет нашего разговора может иметь отношение к данному делу.

– И тем не менее, – раздался вежливый голос доктора Токарева, – вопрос задан.

– Хорошо, я отвечу. – В тоне Уайлда чувствовалось легкое недовольство. – Мы говорили о вас, доктор Токарев.

– В самом деле? И что же вы говорили?

– Ренкин возмущался вашим заявлением насчет того, что он не имеет права распоряжаться этим кинжалом. Он... он расценил это как выпад против себя. В общем, он был обижен.

Тут о своем присутствии заявил доктор Янг, издав горлом свой знаменитый звук.

Аллейн улыбнулся.

– И что вы ему на это ответили? – спросил он.

Артур Уайлд взъерошил волосы:

– Я сказал ему, чтобы он бросил глупить. Чарльз всегда был очень обидчивый – только тронь. Я попытался объяснить ему, что такой кинжал для русского «братства» является священной реликвией и что нам, англичанам, понять это трудно, но в данном случае необходимо. Вскоре раздражение Чарльза улеглось, и он заявил, что согласен со мной. Затем мы подразнили друг друга насчет «игры в убийство», а потом я ушел.

– Еще вопросы? – осведомился Аллейн.

Вопросы иссякли.

– Полагаю, – сказал в заключение Уайлд, – что я, вероятно, был последним, кто видел Чарльза живым. Наряду с Мэри и настоящим убийцей.

– Я хочу сказать, – начал Найджел, – что подтверждаю большую часть сказанного вами. Я оставил вас с Чарльзом вдвоем внизу и слышал, как вы появились в ванной несколько минут спустя. Мы еще переговаривались друг с другом, пока наполнялась ваша ванна, да и после того, как погас свет, мы тоже что-то говорили. Я решительно подтверждаю, что вы находились в ванной комнате до, во время и после того, как было совершено это преступление.

– Да, – согласилась миссис Уайлд, – ты мне тоже что-то кричал, Артур.

– Ваши комнаты рядом? – спросил Аллейн.

Найджел на листе бумаги набросал план расположения четырех комнат и через стол пустил его к инспектору.

– Понятно, – произнес Аллейн, внимательно его разглядывая. – Я уверен, вы все оцените важность рассказа мистера Уайлда о своих перемещениях в указанный период. Этот рассказ уже подтвердили миссис Уайлд и мистер Батгейт. Кто-нибудь еще может привести какие-либо факты в дополнение к уже сказанному?

– Да, – поспешно сказала миссис Уайлд. – Я могу. Когда я одевалась в своей комнате, туда вошла Флоранс, горничная Анджелы, и спросила, не нужна ли мне какая-либо помощь.

Она задержалась у меня на несколько минут – совсем недолго, – но она могла слышать, как Артур кричал мне из ванной – дверь была закрыта не плотно.

– Она, разумеется, подтвердит это позднее, – сказал инспектор. – Теперь в нашем распоряжении имеется полная картина действий этих троих гостей сэра Хюберта, начиная примерно с семи тридцати и до момента убийства. Первой наверх поднялась миссис Уайлд, следом за ней – мистер Батгейт. Мистер Уайлд был последним. Одеваясь в своих комнатах, они переговаривались друг с другом, и их голоса, возможно, слышала горничная. Мистер Батгейт, насколько я понимаю, вы были первым, кто оказался внизу после сигнала гонга, и это вы включили свет?

Найджел в этот момент был погружен в размышления о том, что странно это как-то, уж больно поспешно миссис Уайлд ринулась подтверждать рассказ своего мужа. Чего она вдруг так заторопилась? Оторвавшись от раздумий, он посмотрел на инспектора. «Да, – подумал Найджел, – когда Аллейн говорит официальным тоном, это ему идет больше», а вслух произнес:

– Да. Это я включил свет.

– Но вы выждали положенные две минуты, не так ли?

– Да. Остальные гости были позади меня, на лестнице.

– Найдя главный выключатель, вы немедленно включили свет?

– Нет. На секунду-другую я задержался, хотя с лестницы мне кричали, чтобы я включал.

– Почему? – спросила Розамунда Грант.

– Сам не знаю. Это было очень странно, но я вдруг почувствовал, что мне не хочется включать. Потом крикнул сэр Хюберт, и я повернул выключатель.

– С мистером Уайлдом вы говорили все время, вплоть до момента, когда покинули комнату?

– По-моему, да.

– Так оно и было, – сказал Артур Уайлд, дружески глядя на него.

– А с кем-нибудь еще вы беседовали, когда находились в холле второго этажа?

– Не помню. Тогда в темноте все что-то тараторили. Я зажег спичку.

– Да, – быстро сказала Анджела, – он зажег спичку. Я была тогда в другом конце верхнего этажа, как вдруг увидела его лицо, освещенное снизу. Вероятно, он только что вышел из своей комнаты.

– Мистер Батгейт, – продолжил детектив, – когда вы начали спускаться вниз, ваша спичка еще горела?

– Да. Мне удалось пройти с ней чуть ли не полпути.

– Кто-нибудь миновал вас на лестнице?

– Нет.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно, – ответил Найджел.

Все молчали.

Инспектор Аллейн повернулся к Токареву:

– Доктор Токарев, вы не против быть следующим?

– Почту за честь, – ответил тот церемонно.

– Вы поднялись наверх с первой группой – с мисс Норт, мисс Грант, миссис Уайлд и сэром Хюбертом Хендсли?

– Да, это так.

– Вы сразу же направились в свою комнату?

– Да, немедленно. И это легко проверить. Вчера вечером у меня было прекрасное настроение, а в таком настроении я имею обыкновение петь арию «Смерть Бориса». И я запел ее у себя в комнате, фортиссимо. Должен заметить, моя комната располагается в дальнем крыле здания, но голос мой... гм, достаточно сильный. Должно быть, мое пение слышали многие.

– Я слышал, – проронил Хендсли и впервые слегка улыбнулся.

– И вы пели свою «Смерть Бориса» все время, то есть до тех пор, пока не прозвучал удар гонга и не погас свет?

– Разумеется.

– Великолепное представление! А что, ванную комнату вы не посещали?

– Нет! В это время суток я ванну не принимаю. Это не рекомендуется. Ванну следует принимать на ночь, непосредственно перед сном, тогда раскрываются поры, и легкий пот...

– Да-да, понятно. Но вы переоделись?

– Да. Я переодевался и пел. И вот в тот момент, когда я достиг кульминации, – а должен заметить, я копирую манеру исполнения Федора Шаляпина, – внезапно доктор Токарев взял одну из низких нот, и миссис Уайлд тихо вскрикнула, – так вот, как раз в этот момент и прозвучал гонг и погас свет. Я продолжал петь и одновременно считать. Я дважды сосчитал порусски до шестидесяти. Затем вышел.

– Большое спасибо. Вы были первым, кто понял, что произошло с мистером Ренкином?

– Да. Я был первым. Я увидел нож, торчащий у него из спины.

– Что произошло потом?

– Мисс Анджела произнесла шутя: «Никто не должен прикасаться к телу». Я согласился с ней, но мне было не до шуток. Я видел, что он мертв.

– Но насколько я понял, тело вы не обследовали...

– Прошу прощения, – патетически начал доктор.

Аллейн оглядел стол. Среди гостей началась легкая паника. Миссис Уайлд сидела бледная как мел, на нее пристально смотрела Розамунда Грант. Артур Уайлд тревожно наклонился к жене. Внезапно она заговорила, и голос ее был совсем безжизненным, совсем не таким, к которому все привыкли:

– Погодите, я сейчас все объясню.

– Не волнуйся, дорогая, – сказал Уайлд. – Только, ради бога, не волнуйся.

– Я знаю, что хочет сказать доктор Токарев, – провозгласила Марджори Уайлд. – Дело в том, что я потеряла голову. Я его перевернула на спину и опустилась рядом на колени. Я трясла его за плечи, вглядывалась в лицо. Я пыталась вернуть его к жизни. Я хотела его оттащить чуть дальше, – ведь он лежал в луже крови, – и когда я попыталась его сдвинуть, этот кинжал, этот мерзкий кинжал, так противно заскрежетал по полу... Он был очень тяжелый, и сдвинула-то я его всего чуть-чуть. Все вокруг говорили, что я не должна к нему прикасаться, да я и сама не хотела, но не могла совладать с собой.

Она смолкла так же внезапно, как и начала, как будто из нее вышел весь воздух.

– Гораздо лучше было бы, миссис Уайлд, если бы вы сказали мне об этом сразу, – заметил Аллейн. – В принципе ваше эмоциональное состояние и шок, который вы испытали, понять можно. Мне бы только хотелось как можно ярче представить эту сцену. Значит, миссис Уайлд на коленях перед телом. Она перевернула его на спину. Доктор Токарев, а вы стояли рядом с ней?

– Конечно. Я стоял рядом и повторял: «Не двигайте его», – а она все продолжала его трясти. Для меня с самого начала было ясно, что она в истерике, я пытался ее поднять с пола, но она сопротивлялась. У истеричек, знаете ли, в момент приступа появляется большая сила. Потом мисс Грант тихо так и спокойно сказала: «Бесполезно звать Чарльза. Его уже нет, он ушел от нас навсегда», – и тут миссис Уайлд сразу замерла. Я поднял ее на ноги, а сэр Хюберт сказал: «Ради бога, проверьте, жив он или мертв». Я-то сразу понял, что мертвее быть не может, но тем не менее проверил, а мисс Норт сказала: «Я пойду позвоню доктору Янгу» – и ушла.

– Все согласны с подобным изложением событий? – официально спросил Аллейн.

В ответ раздался общий хор согласия.

– Ну, поскольку я убедительно доказал, что с семи тридцати до семи пятидесяти громко пел в своей комнате, – объявил русский доктор, – значит, злодейство совершить никак не мог. Поэтому я предпочел бы вернуться в Лондон, где у меня назначена встреча.

– Боюсь, что это невозможно, – спокойно сказал Аллейн.

– Но... – начал было Токарев.

– Я все объясню позже, доктор Токарев. А сейчас мне хотелось бы завершить «игру в убийство». Сэр Хюберт, что делали вы, когда поднялись к себе, и до момента, когда прозвучал сигнал гонга?

Хендсли посмотрел на свои сцепленные кисти, лежащие перед ним на столе. Не поднимая глаз, он начал ровным голосом:

– Я прошел в свою гардеробную в конце коридора. Одеваясь, я разговаривал с Василием, который мне помогал. Потом он вышел, а я пошел в ванную. Я уже закончил принимать ванну и почти оделся, – осталось только надеть смокинг, – и тут в мою комнату кто-то постучал. Это была Анджела. Она хотела узнать, где у нас аспирин, – у мисс Грант разболелась голова. Я нашел аспирин и дал его Анджеле. Она вышла, и почти сразу же вслед за этим раздался гонг. Я присоединился к группе, собравшейся в холле второго этажа, и вот тогда Артур – мистер Уайлд – хлопнул меня по плечу и сказал: «Вы убиты». Думаю, это все.

– Есть вопросы?

Неясный ропот как будто бы какого-то недовольства пробежал вокруг стола.

– Мисс Грант, – спросил инспектор, – ведь вы поднялись наверх с первой группой. Где находится ваша комната?

– В противоположном конце коридора, рядом с комнатой Анджелы, то есть мисс Норт. Мы прошли туда вместе. После ванны Анджела зашла ко мне. Именно тогда я попросила у нее аспирин.

– А где ваша ванная?

– Напротив спальни. Ванная у нас общая с Анджелой. Я принимала ванну первой.

– Таким образом, чтобы перейти из ванной комнаты к себе, вам необходимо было только пересечь коридор?

– Да.

– Заходили ли вы еще куда-нибудь?

– Нет. Я вышла только после сигнала гонга.

– Теперь вы, мисс Норт. Что делали вы?

– Я поднялась наверх вместе с Розамундой. Пока она принимала ванну, я немного почитала. Возвратившись из ванной, я зашла к ней, а затем направилась к дяде за аспирином. Я уже подходила к комнате Розамунды, как погас свет.

– А где находится комната Ренкина?

– Рядом с моей, как раз напротив главного входа в коридор. Позвольте, я нарисую вам схему.

Аллейн придвинул ей лист бумаги, и она дорисовала оставшиеся комнаты.

– Большое спасибо, – сказал Аллейн. – Теперь расстановка действующих лиц в этой игре мне ясна. Мисс Норт, прежде чем мы уйдем, я хотел бы поговорить с вашей горничной Флоранс.

Анджела встала и прошла к шнуру звонка, закрепленному у каминной доски. Все откинулись на спинки своих стульев. Уайлд начал тихий разговор с Хендсли.

На звонок отозвался не Василий – как это положено, – а маленькая взволнованная горничная. Вид у нее был такой, будто она шла по своим делам, а сюда попала по ошибке.

– Мэри, пригласи Флоранс зайти сюда на минутку, – сказала Анджела.

– Хорошо, мисс.

– Одну секундочку, Мэри, – сказал Аллейн, бросив взгляд на Анджелу. – Вы были в холле вчера вечером, когда мистер Уайлд поднялся наверх, а мистер Ренкин остался один?

– О да, да, сэр, была. Обычно мистер Робертс не посылает меня запираť входную дверь, но в этот вечер...

– Мистер Уайлд с вами разговаривал?

– Он только спросил у меня время, а я сказала: «Без десяти», – а он тогда сказал: «У, черт, я опаздываю» – и побежал наверх.

– А что делал мистер Ренкин?

– Курил сигарету, сэр, и ему было хорошо. Я спросила: «Можно убрать коктейльный столик?» – а он сказал: «Не надо. Я еще немного выпью, а то у меня цвет лица как у школьника. Надо его немного подпортить». Ну, я ушла, сэр, а всего через несколько минут, сэр, погас свет и... О, какой ужас!

– Да, ужас. Я согласен с вами, Мэри. Большое спасибо.

Неуверенно посмотрев на Хендсли, горничная удалилась.

– А разве на звонок обычно отвечает не дворецкий? – спросил после паузы Аллейн.

– Да, – рассеянно ответила Анджела, – конечно. Ведь Мэри – горничная, она никогда на звонки не отвечает. Не понимаю, почему он не пришел. Сейчас все выбиты из колеи. Я подозреваю, что Василий...

Появилась Флоранс, темноволосая особа, лет тридцати пяти, с безразличным лицом.

– Флоранс, – сказала Анджела, – мистер Аллейн хочет спросить тебя кое о чем относительно вчерашнего вечера.

– Да, мисс.

– Будьте добры, скажите, пожалуйста, – начал Аллейн, – в какие комнаты вы заходили вчера вечером, когда гости переодевались к ужину?

– Хорошо, сэр. Вначале я вошла в комнату мисс Анджелы.

– Как долго вы там пробыли?

– Всего несколько минут. Мисс Анджела хотела, чтобы я пошла к миссис Уайлд и спросила, не нужна ли ей моя помощь.

– Итак, вы вошли в комнату миссис Уайлд?

– Да, сэр.

– Что происходило там?

– Мадам попросила застегнуть ей сзади платье. Я застегнула, – отрешенно произнесла Флоранс.

– Миссис Уайлд с вами разговаривала?

– Мадам разговаривала с мистером Уайлдом, он принимал ванну в комнате рядом.

– А мистер Уайлд ей отвечал?

– Да, сэр. Он разговаривал с миссис Уайлд, а также с мистером Батгейтом, который был в своей комнате, сзади ванной.

– Куда вы пошли дальше, когда покинули миссис Уайлд?

– В комнату мисс Грант.

– Как долго вы пробыли там?

– Мне пришлось немного подождать, сэр. Мисс Грант в комнате не было. Она появилась через несколько минут и сказала, что я ей не нужна. По коридору шла мисс Анджела. И тут погас свет.

– А что, мисс Грант пришла из ванной?

Флоранс колебалась.

– Я думаю, нет, сэр. Мисс Грант принимала ванну раньше, перед мисс Анджелой.

– Большое спасибо. Думаю, это все, о чем я хотел вас спросить.

– Благодарю вас, сэр.

Дверь за Флоранс закрылась. На Розамунду Грант никто не смотрел. И никто не проронил ни слова.

Аллейн перевернул страницу своего блокнота.

– Кстати, мисс Грант, – заметил он, – ведь вы сказали, что, кроме ванной, никуда больше не заходили и не покидали своей комнаты до тех пор, пока не прозвучал сигнал гонга. Так это или не так?

– Одну минуту! – воскликнул доктор Янг.

– Розамунда! – закричала Анджела и кинулась к ней.

Но Розамунда в глубоком обмороке уже соскользнула со своего стула на пол.

В суматохе, которая началась вслед за этим, Найджел пробрался к звонку и начал методично дергать за шнур.

– Немного бренди – вот что ей сейчас нужно! – восклицал сэр Хюберт.

– Лучше все-таки нюхательную соль, – предложил доктор Янг. – И пожалуйста, откройте окна. Хотя бы одно.

– Я сейчас принесу соль, – сказала Анджела и убежала.

Появилась возбужденная Мэри.

– Скажите Василию, чтобы принес бренди, – приказал Хендсли.

– Извините, сэр, я не могу.

– Почему?

– О, сэр, его нет. Он куда-то исчез, сэр, а мы боялись вам об этом сказать, сэр.

– Ну и дела, черт возьми! – не удержался Аллейн.

Глава VI

Аллейн за работой

К обследованию дома инспектор Аллейн отнесся с большой серьезностью.

– До тех пор пока я не обнюхаю в нем все закоулки, ничего не трогать, – приказал он.

Ничего и не трогали. По дому слонялся плюгавый доктор Янг, окружной полицейский врач. Эту свою должность он всячески подчеркивал с момента прибытия. Констебль Банс, преисполненный служебного рвения, нагнал страху на всех слуг, запретив им покидать свои комнаты. А вот охраны у ворот он не поставил, и Василий для бегства, по-видимому, использовал самый простой способ – взял и вышел через черный ход.

Аллейн тут же позвонил на станцию и выяснил, что простодушный старик русский уехал в Лондон на поезде в десять пятнадцать. Инспектор позвонил в Ярд и распорядился выследить и незамедлительно задержать его.

Тем временем во Франтоке появилась группа людей в штатском. Аллейн внимательно изучил высокий, фактически непреодолимый забор и, поставив у ворот охрану, пригласил прибывшего с ним сержанта Бейли, эксперта по отпечаткам пальцев, вместе обследовать дом. Хендсли было предложено задержать гостей в библиотеке или предложить им прогуляться по саду.

– Сейчас я намереваюсь поговорить с Этель, – сказал Аллейн. – Это единственная горничная, которую я еще не опросил. Банс, пригласите ее ко мне.

Вошла Этель, хорошенькая девушка, лет примерно двадцати семи, со смысленными глазами.

– Где вы были прошлым вечером без десяти восемь? – спросил ее Аллейн.

– В своей комнате наверху, в конце коридора. Я сменила передник и, посмотрев на часы, подумала, не спуститься ли мне вниз и помочь Мэри привести в порядок холл. Я вышла в коридор и прошла мимо комнат гостей.

– И мимо комнаты мистера Батгейта тоже?

– Да, сэр. Подойдя к лестнице, я посмотрела вниз. Мистер Ренкин был все еще в холле. Там была также и Мэри, сэр, она запирала входную дверь. Мэри подняла голову, увидела меня и замотала головой. Я решила пока не спускаться, подождать, пока холл будет пуст, и повернула назад. Проходя мимо комнаты мистера Батгейта, я вдруг вспомнила, что не принесла ему воды для бритья. Кроме того, у него в ящике осталось только две сигареты. Я постучала в дверь.

– Вот как?

– Дверь была не заперта, и, когда я постучала, она слегка приоткрылась. В этот же момент мистер Батгейт крикнул: «Войдите». Я вошла, и как раз именно тогда, когда я спрашивала насчет воды для бритья, и погас свет. Это меня очень смутило, сэр. Я вышла и едва нашла дорогу до своей комнаты, сэр.

– Чем занимался мистер Батгейт?

– Курил сигарету, с книгой в руках. Мне показалось, что он только что переговаривался с мистером Уайлдом, который принимал ванну в комнате рядом.

– Благодарю вас, Этель.

– И я благодарю вас, сэр, – грустно проговорила Этель и вышла.

Аллейн подивился беспечности Найджела, позабывшего о визите Этель (а ведь этот визит создавал ему железное алиби), и занялся работой. От беседы с буфетчиком Робертсом толку будет мало. Он все время находился в своей буфетной, до и после подачи гонга. Повар и подсобный рабочий тоже интереса не представляли. Так что Аллейн начал обследование холла.

Он извлек рулетку и тщательно измерил расстояние между коктейльным столиком и подножием лестницы. Этот столик, с наставленными на нем использованными бокалами, стоял нетронутым.

– Все в полном порядке, просто превосходно, – проворчал Аллейн, обращаясь к сержанту Бейли, – кроме одной мелочи – они перетащили тело.

– Хорошо, что хоть сразу не похоронили, – проворчал Бейли, – а то бы мы вообще тела не увидели.

– Этот юноша, Батгейт, говорит, что тело лежало справа от гонга. Когда Мэри видела Ренкина последний раз, он стоял у коктейльного столика. Возможно, в момент удара он стоял у его конца. Банс, подите сюда. Какой у вас рост?

– Метр восемьдесят, без обуви, сэр.

– Вполне подходит. Рост Ренкина примерно метр восемьдесят три. Станьте, пожалуйста, сюда.

Банс выполнил указание, и Аллейн медленно обошел его вокруг.

– Обратите внимание, Бейли, – произнес он, – работа была выполнена за пять минут, самое большее. Кинжал находился в кожаной ячейке у лестницы, если, конечно, не был оттуда предварительно взят, что я полагаю маловероятным. Следовательно, убийца начинал отсюда. Кинжал он держал в правой руке и... нанес удар в спину.

Он разыграл с Бансом пантомиму убийства.

– А теперь посмотрите, что получается. Во мне роста метр восемьдесят пять, но под нужным углом я ударить не могу. Наклонитесь, Банс. А... выходит, это было так? Но тогда путь ножу заслоняют перила. Вероятно, он наклонился над столом. Если я стану на нижней ступеньке, будет слишком далеко. Погодите. Видите это шарообразное окончание в нижней части перил? Так вот, Бейли, внимательно обследуйте это место и вытащите все, что только возможно.

– Там, должно быть, куча отпечатков, – мрачно отреагировал эксперт.

Он открыл небольшой саквояж и углубился в его содержимое.

Аллейн кружил по холлу. Он изучил главный выключатель, бокалы, сбиватель коктейлей, гонг, все стулья, двери и оконные рамы. У камина инспектор остановился передохнуть. Вчерашняя зола все еще оставалась там.

– Это я приказал, – неожиданно подал голос Банс, – чтобы ничего не трогали в камине.

– Совершенно правильно, – одобрил инспектор, – с камином мы разберемся сами.

Он наклонился над камином и, взяв щипцы, начал извлекать оттуда угли один за другим, укладывая их на расстеленную рядом газету. Занимаясь этим, он продолжал разговаривать с сержантом Бейли.

– Отпечатки пальцев мисс Норт, как, впрочем, и мистера Батгейта, вы найдете на схеме расположения комнат. Она лежит вот здесь, на подносе. Разумеется, нам нужны отпечатки всех. Для этой цели лучше всего подходят стаканчики для чистки зубов. Можно, конечно, взять отпечатки официально, но это может вызвать кривотолки. О том, чтобы обнаружить что-то на кинжале, и говорить нечего. На выключателе тоже. В наше время свои отпечатки оставит только круглый идиот, да и то навряд ли.

– Это верно, сэр, – согласился Бейли. – Перила довольно сильно замазаны. Попробую на набалдашнике, может быть, повезет больше.

– Да-да, осмотрите его внимательно, – сказал Аллейн, вынимая из камина поддон с золой.

– Довольно любопытно. Вон там, на перилах, отчетливый след левой руки, правда в перчатке, указывающий на направление движения вниз. Очень уж неудобно держаться левой рукой за перила, когда они изгибаются подобным образом. Вот они, эти следы, с внутренней стороны. Очень отчетливые. Посмотрите сами, они видны невооруженным глазом.

– Ну, ваш невооруженный глаз, Бейли, сильнее микроскопа. Посмотрите еще наверху. А это еще что такое?

Перебирая золу на поддоне, он вдруг остановился, присел на корточки и пристально уставился на маленький закопченный предмет, лежащий у него на ладони.

– Что-то нашли, сэр? – спросил эксперт, который уже работал на верхней части перил.

– Кто-то разбрасывается своим имуществом, – проворчал инспектор.

Он достал маленькую лупу и посмотрел через нее.

– Это застёжка... кнопка фирмы Дент, – пробормотал он, – с небольшим кусочком... да, да, кожи... кусочек обгоревший, но сомнений не вызывает. Чудесно.

Он вложил находку в конверт и что-то сверху надписал.

Следующие двадцать минут он провел, ползая по полу, вставая на стулья, чтобы осмотреть лестничную клетку и заднюю часть ступенек лестницы, внимательно изучая шкатулки для сигарет и направляя Бейли снимать отпечатки пальцев с ящика для угля и каминной решетки.

– А теперь, – провозгласил он, – пройдемся по комнатам. Банс, сейчас уже такое время, что в любую минуту может прибыть похоронный фургон. Я оставляю вас здесь проследить за этим. Пошли, – бросил он и направился вверх по лестнице.

В холле второго этажа Аллейн остановился и огляделся вокруг.

– Слева от вас, – проинформировал он Бейли, – комната миссис Уайлд, дальше идет гардеробная ее мужа, потом ванная, а дальше комната мистера Батгейта. Все они соединены друг с другом. Довольно необычно, не правда ли? Я полагаю, мы начнем сначала.

Беспорядок в комнате миссис Уайлд был классическим, один к одному перенесенным из какой-то современной комедии. Постель стояла неубранной, на столе поднос с приборами, оставшимися от утреннего чая.

– За работу, Бейли, за работу, – сказал инспектор, и эксперт снова раскрыл свой саквояж.

– Насколько я понимаю, – заметил Бейли, покрывая тонкой пудрой поверхность чашек, – с алиби здесь полный порядок?

– Полный порядок? – переспросил Аллейн. – Этот чертов полный порядок есть у всех, кроме мисс Грант. Эта особа начала с того, что наврала с три короба, а закончила тем, что хлопнулась в обморок.

Он открыл чемодан и принялся изучать его недра.

– А как насчет этого русского, доктор он или еще кто?

– Да, он вполне вероятный кандидат. Вы подозреваете его, Бейли?

– Судя по тому, что вы мне рассказали об этом кинжале и обо всем остальном, он похож. Но лично я склоняюсь в пользу дворецкого.

– Если Токарев наш человек, то он должен очень быстро бегать. Подумайте сами: его комната расположена далеко по коридору. К тому же он все время пел. Что же касается дворецкого, то он не выходил из помещения для слуг, и его видели там.

– А это точно, сэр? Ведь он же удрал.

– Это верно. Проворный старикашка. Вот когда вы добудете мне отпечатки с перил, тогда я смогу еще как-то определиться. Теперь, Бейли, займитесь ванной. Там должны господствовать Батгейт и Уайлд. Затем возвращайтесь сюда и пройдитесь по комоду, пока я буду работать в других комнатах. И еще, Бейли, вы не возражаете слегка отклониться от своей узкой специализации?

– С удовольствием, сэр. А что я должен искать?

– Перчатку. Возможно, из желтой лайки. С правой руки. Я не ожидаю найти ее здесь. Но все же попытаться стоит. И еще, пожалуйста, составьте список всей одежды.

– Хорошо, сэр, – отозвался Бейли из ванной комнаты.

Аллейн проследовал к нему и внимательно осмотрел гардеробную и ванную комнаты. Затем он перешел в комнату Найджела.

Здесь все оставалось в том же виде, как и прошлым вечером. Постель была нетронутой. От Банса инспектору было известно, что Найджел всю ночь провел на ногах, пытаясь дозвониться их семейному адвокату, в свой офис и, по просьбе местной полиции, в Скотланд-Ярд. Для Хендсли и Анджелы он оказался сушей находкой. Ему удалось убедить доктора Токарева закончить разговоры и отправиться спать, он погасил истерику миссис Уайлд, в то время как ее супруг опустил руки. Инспектор, конечно, хорошо помнил показания Этель о том, что, когда погас свет, она была вместе с Найджелом в его комнате. Все это было вполне достаточным доказательством его полной невиновности. Но тем не менее его комнату Аллейн также тщательно обследовал.

На прикроватном столике лежал роман Д. Конрада. В пепельнице были видны два окурка сигарет марки «Салливан Пауэлл». Это были как раз две последние сигареты из пачки. Этель ведь именно это и говорила, что, когда она вошла, мистер Батгейт докуривал свою последнюю сигарету.

– Итак, мистер Батгейт исключается. Полностью, – пробормотал инспектор себе под нос. – Он не мог выкурить у себя в комнате две сигареты, потом быстренько сбежать и убить человека, разговаривая в это же самое время с горничной. И все за десять – двадцать минут.

Не успел он прийти к такому заключению, как отворилась дверь и вошел Найджел собственной персоной.

Увидев в своей комнате человека из Ярда, Найджел тут же почувствовал себя виноватым. Такая уж у него была натура.

– Извините, – проговорил он, заикаясь, – я не знал, что вы здесь. Я сейчас уйду.

– Не надо, – дружелюбно улыбнулся Аллейн. – Я вовсе не собираюсь заковывать вас в наручники. А вот спросить кое о чем я бы вас хотел. Вчера вечером, когда вы одевались к ужину, не слышали ли, случайно, в коридоре какие-нибудь звуки?

– Какие именно?

– Ну, любые. Шагов, например.

– Нет, я ничего не слышал. Понимаете, я все время разговаривал с Уайлдом, он лежал там, в ванне. Я просто был не в состоянии что-то слышать.

– А миссис Уайлд, как я понимаю, все это время находилась в своей комнате. Вы точно помните, что слышали ее голос?

Найджел задумался.

– Да, – отозвался он наконец, – да. Я совершенно уверен, что слышал, как мистер Уайлд ей что-то говорил, а она ему отвечала.

– А в какой именно момент? До или после того, как погас свет?

Найджел сел на кровать и схватился руками за голову.

– Вот в этом я не уверен, – произнес он через некоторое время. – Могу подтвердить под присягой, что слышал ее голос, и мне кажется, что это было и до, и после того, как погас свет. А разве это так важно?

– В нашем деле все очень важно. Но то, что вы говорите, совпадает с утверждением горничной Флоранс. Так что все в порядке. А теперь я попрошу вас показать мне комнату доктора Токарева.

– Мне кажется, это здесь, – сказал Найджел и провел инспектора по холлу второго этажа в коридор, затем, пройдя немного налево, указал на одну из дверей: – По-моему, звуки чудесного пения раздавались вчера отсюда.

Аллейн открыл дверь. В комнате царил идеальный порядок. Постель была неприбрана (ее убирает горничная, а сегодня в комнатах никто не появлялся), но едва смята. Похоже, доктор Токарев провел на удивление спокойную ночь. На прикроватном столике лежали словарь Уэбстера и зачитанный экземпляр «Крейцеровой сонаты» на английском языке.

– Большое спасибо, мистер Батгейт, – поблагодарил Аллейн. – Теперь я здесь поработаю один.

Найджел вышел, испытывая одновременно облегчение, что отделался от инспектора, и какое-то странное любопытство.

Оставшись один, инспектор по очереди открыл платяной шкаф, потом комод и переписал их содержимое. Затем его внимание привлек чемодан, аккуратно задвинутый под один из шкафов. В нем он нашел небольшой кожаный несессер для письменных принадлежностей, с замком. Замок был заперт. Но это проблемы не составляло. С помощью отмычки несессер был мгновенно открыт. Здесь Аллейн обнаружил некоторое количество документов, отпечатанных по-русски, несколько фотографий, на большинстве из которых был изображен доктор, и небольшой замшевый мешочек, в котором хранилась печать. Аллейн подошел к письменному столу и приложил ее к листу бумаги. На оттиске был отчетливо виден кинжал с длинным острым клинком. Тихо насвистывая, инспектор просмотрел все документы. На большей части из них были оттиски этой печати. Он переписал в свой блокнот несколько предложений, тщательно протер печать, аккуратно уложил все в несессер, запер его и поставил чемодан на место. Потом он сделал в блокноте запись: «Связаться с Сумиловым; см. выше» – и, бросив прощальный взгляд на все вокруг, покинул комнату.

Он прошел в комнату Анджелы, а оттуда к Розамунде Грант. В последнюю очередь он нанес визит сэру Хюберту Хендсли, посетив также его гардеробную и ванную. Везде он действовал примерно одинаковым образом – скрупулезно изучал все, что только можно: составлял подробный список вещей, обшаривал все карманы, сортировал, исследовал, а затем тщательно восстанавливал все в прежнем положении. Для себя он нашел здесь мало интересного и в гардеробной Хендсли сделал перерыв, чтобы выкурить сигарету.

В комнату кто-то тихо постучал. Вежливое бормотание снаружи показало, что это сержант Бейли.

Аллейн вышел в коридор.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Бейли, – но, кажется, я кое-что нашел.

– Где?

– В комнате дамы, сэр. Я оставил там все, как было.

– Пошли.

Они возвратились в комнату Марджори Уайлд, встретив по дороге Мэри, которая глядела на них во все глаза.

– В чем дело, Мэри? – строго спросил Аллейн. – Ведь я, кажется, просил всех вас в течение часа оставаться в своих комнатах.

– Да, сэр. Я очень сожалею, сэр, но хозяйину понадобилась его тужурка с поясом. Там в кармане лежит его трубка, сэр. И мистер Робертс послал меня за ней.

– Передайте Робертсу, что если я дал какие-то инструкции, то их надо выполнять. А тужурку сэру Хюберту я принесу сам.

– Да, сэр, – пробормотала она и стремглав бросилась вниз по лестнице.

– Итак, Бейли, что мы имеем? – спросил инспектор, плотно закрывая за собой дверь комнаты миссис Уайлд.

– Видите, как хитроумно придумана установка этих выдвижных ящиков?

Шесть ящиков, вынутых из георгианского комода, были аккуратно расставлены по полу.

– Да, Бейли, вещь антикварная, – произнес инспектор Аллейн. – Очень симпатичная вещь.

Он подошел к каркасу комода и задумчиво погладил поверхность.

– Однако она с изъяном, – сказал Бейли. – В нижней части, между ящиком и облицовкой, есть пустота, а вот здесь – дыра. Видите, сэр? По-моему, дело было так: кто-то второпях сунул

в ящик небольшой предмет. А он через дырку упал на дно комода. Вы можете его потрогать. Вот он.

Аллейн опустился на колени и просунул пальцы в щель внизу комода.

– Подайте мне, пожалуйста, вон ту вешалку. Кажется, у нее крючок подходящий, – сказал он быстро.

Бейли подал ему вешалку. Через несколько минут инспектор торжествующе хмыкнул и, выудив наружу небольшой мягкий предмет, внимательно всмотрелся в него. Это была женская желтая лайковая перчатка.

Инспектор вытащил из кармана конверт и извлек оттуда потерявшую цвет, покрытую пузырьками кнопку, вокруг которой сохранились обгоревшие кусочки кожи. Он положил ее рядом с находкой.

Две кнопки были совершенно одинаковы.

– Ну что ж, Бейли, неплохо для начала, – произнес инспектор Аллейн.

Глава VII

Ренкин покидает Франток

После краткого раздумья Аллейн подошел к письменному столу и положил на него перчатку. Затем он выдвинул стул и сел, разглядывая находку так, если бы она представляла своего рода загадку, за разрешение которой объявлено большое вознаграждение. Он поджал губы, скривил их, левая нога его все время слегка подрагивала. В конце концов он извлек из кармана рулетку, а также складную стальную линейку и занялся прецизионными измерениями.

Бейли собирал комод, тщательно укладывая на место каждую вещь.

– Подайте мне одну из перчаток мадам, – внезапно прохрипел Аллейн.

Бейли выбрал изящную замшевую перчатку желтовато-коричневого цвета и положил на письменный стол.

– Она вроде бы на несколько размеров меньше, – заметил он и возвратился к своему занятию.

– Меньше-то она меньше, – возразил инспектор, – но дело в том, что она совсем другого типа. Ваша находка – это спортивная перчатка, в мужском стиле. Разумеется, мужчина средней комплекции запросто мог ее надеть. В таких перчатках держат обычно тросточки. Знаете, такие, верхняя часть которых раскрывается как сиденье.

Он понюхал обе перчатки и посмотрел на этикетки.

– Из одного и того же магазина, – заключил инспектор и продолжил свои измерения, все время занося данные в блокнот.

– Так, с этим покончено, – наконец изрек он и передал Бейли замшевую перчатку. Тот аккуратно уложил ее на место.

– А как насчет той, другой? – спросил Бейли.

Аллейн задумался.

– Я думаю, – проговорил он наконец, – я думаю, что пошлю ее, пожалуй, зарабатывать себе на пропитание. Вы уже закончили?

– Да, сэр.

– Тогда займитесь отпечатками пальцев в остальных комнатах. Встретимся у Ренкина перед обедом.

Он положил перчатку в карман и направился вниз.

Холл был пуст, только Банс дежурил у входной двери. Аллейн прошел мимо него в переднюю. Банс повернулся вокруг своей оси и уставился на инспектора через стекло.

В передней на вешалке висело несколько пальто, здесь же была собрана солидная коллекция тростей и галош. Аллейн внимательно обследовал эти скучные предметы, проверив карманы и все время делая пометки в своем неизменном блокноте. От дыхания Банса дверное стекло запотело.

Наконец инспектор вынул из кармана желтую лайковую перчатку. Он швырнул ее на скамью, поднял, засунул среди тростей, извлек оттуда и в конце концов уронил на пол.

Поймав взгляд констебля и, видимо, решив утолить его мучительное любопытство, Аллейн приложил палец к губам и приподнял левую бровь. Спазм удовлетворенного желания пробежал по лицу констебля Банса. Теперь на этом лице появилась хитрая усмешка. Мол, мы-то с вами знаем, где собака зарыта.

Аллейн вынул трубку и набил ее табаком. Затем отворил стеклянную дверь. Банс сделал шаг назад.

– Где леди и джентльмены? – спросил Аллейн.

– Гуляют в парке, сэр.

– Во сколько обед?

– В четверть второго.

Инспектор посмотрел на часы. Обед минут через двадцать. Да, хлопотливое выдалось утро. Он вернулся в переднюю, сел на скамью и в течение пятнадцати минут раскуривал свою трубку, не устаивая констебля взглядом. Передняя наполнилась табачным дымом. В пять минут второго Аллейн открыл внешнюю дверь, выбил трубку о каменную ступеньку крыльца и задумался, глядя на подъездную аллею.

Из парка доносились звуки голосов. Аллейн устремился назад, в переднюю, и Банс снова пришел в возбуждение, увидев, как инспектор снял с вешалки несколько пальто и бросил их на пол. Когда Хендсли, супруги Уайлд, Анджела и Токарев поднялись по ступеням, он стоял, наклонившись над этими пальто. Увидев детектива в такой позе, они остановились в молчании.

– Прошу прощения, – выпрямившись, произнес Аллейн, – что загораживаю вам дорогу. Занимаюсь своей рутинной работой. Сэр Хюберт, я вот что хотел у вас спросить: возможно ли, чтобы кто-нибудь мог спрятаться за этими пальто, у вешалки?

– Да-да, конечно, – быстро и с пылом отозвался Хендсли. – Я думаю, это вполне возможно. Так вы считаете, это произошло именно так? То есть кто-то явился в дом прежде, чем заперли входную дверь, и, затаившись, ждал, когда предоставится благоприятный момент?

– Это действительно возможно, – начал доктор, – я тоже об этом размышлял. Совершенно ясно, что...

– Но после того как преступление было совершено, дверь оставалась запертой, не правда ли? – прервал его инспектор.

– Да, – ответил Хендсли, – да, это верно. Но в темноте убийца мог скрыться и через одну из задних дверей.

– Это следует иметь в виду, – согласился Аллейн.

Он начал возвращать на вешалку пальто и, занимаясь этим, случайно уронил на пол желтую лайковую перчатку. Аллейн наклонился и поднял ее.

– Перчатка, – громко произнес он. – Боюсь, что она выпала из кармана какого-то пальто. Тысяча извинений. Будьте добры, скажите, чья это перчатка?

– Марджори, это же твоя перчатка, – неожиданно сказала Анджела.

– Что? Да-да. – Миссис Уайлд смотрела на перчатку, не прикасаясь к ней. – Я... это моя. Я думала, что потеряла ее.

– Я не вижу вторую, – сказал Аллейн. – Это ведь левая перчатка. Теперь вы будете обвинять меня, что я потерял правую.

– Да нет, я теряла как раз левую. Обронила, наверное, где-то здесь.

– А вы уверены, миссис Уайлд, что правая была на месте? – спросил Аллейн. – Дело в том, что если она была на месте, а теперь ее нет, то, может быть, следует поискать.

– Вы имеете в виду, – сказал Хендсли, – что правой перчаткой мог воспользоваться убийца, когда он прятался здесь?

– Очень интересная идея, – произнес Артур Уайлд. – Дорогая, а когда ты потеряла эту перчатку?

– Не знаю. Откуда мне знать, – ответила Марджори Уайлд одними губами. – Значит, вчера... вчера мы ходили гулять... он и я. Правая перчатка была на мне. Это ведь он подарил мне эти перчатки, ты помнишь, Артур? На последнее Рождество. Да-да, он еще увидел, что у меня только одна перчатка, и в шутку упрекнул, мол, какая я растеряха.

Она невидящими глазами посмотрела на Уайлда, а он обнял ее за плечи и стал укачивать, как ребенка.

– Вы хотите сказать, что гуляли вчера в одной перчатке? – спросил Аллейн.

– Да, в одной.

– Ну а когда вы вернулись, как вы с ней поступили, миссис Уайлд?

– Я не помню. Но в моей комнате ее нет.

– Ты думаешь, что оставила ее здесь? – мягко спросила Анджела. – Марджори, попытайся вспомнить. Я понимаю, что имеет в виду мистер Аллейн. Это может оказаться очень важным.

– Я говорю тебе, что не помню. Но мне кажется, я оставила ее здесь. Да-да, оставила. Артур, как ты думаешь, я оставила ее здесь?

– Золотко мое! – произнес Уайлд. – Я не присутствовал при этом, но, зная, как ты обычно обращаешься с вещами, думаю, ты и в самом деле могла оставить ее здесь. Обычно ты, как толькоходишь в помещение, тут же снимаешь перчатки. Я считаю это более чем вероятным. И потерянная перчатка, как видите, нашлась именно здесь. – Последнюю фразу он произнес, обращаясь к Аллейну.

– Я тоже так считаю, – согласился Аллейн. – Большое спасибо, миссис Уайлд. Извините, что побеспокоил вас.

Он открыл дверь в холл и пропустил туда миссис Уайлд с Анджелой. Следом зашли мужчины. Хендсли задержался.

– Как насчет того, чтобы перекусить с нами, мистер Аллейн? Я был бы в восторге...

– Благодарю вас, – отозвался Аллейн, – но я должен закончить работу наверху. Кроме того, в час тридцать прибудет похоронный фургон. Мистер Хендсли, я попросил бы вас подольше задержать гостей за столом.

– Да-да, – смутился Хендсли, – я понимаю. Конечно, я постараюсь.

Буфетчик Робертс появился в холле и пригласил на обед. Аллейн подождал, когда все уйдут, положил перчатку в карман и поднялся наверх в комнату Ренкина, где его уже дожидался Бейли.

– Есть успехи? – спросил он.

– Не сказал бы, что большие. Это перчатка миссис Уайлд. Она ее потеряла. Возможно, сунула в нижний ящик комода сразу после приезда сюда. Вечером она была только в одной перчатке, и есть мнение, что миссис Уайлд оставила ее в передней. Это мнение возникло после того, как я инсценировал там обнаружение этой перчатки. Тем не менее такое весьма вероятно. Если это так, то ее мог взять кто угодно. Я подвел их к тому, что «наш» человек появился с улицы. Вы видели местность вокруг? Это почти невозможно, но весьма полезно, чтобы все считали это нашей основной версией.

– А ведь действительно, дворецкий мог запросто найти эту перчатку в передней или холле, – сказал Бейли.

– Ага, оседлали любимого конька. Да, могло быть так, но с равной вероятностью перчатку мог взять любой из обитателей дома. Итак, Бейли, доставайте из шкафа всю одежду. И побыстрее. А на эту перчатку я возлагаю большие надежды.

– Отпечаток пальца левой руки на шаровом окончании перил принадлежит мистеру Уайлду, – сообщил Бейли.

– Вот как? – отозвался Аллейн без всякого энтузиазма.

– Мне кажется, сэр, – произнес Бейли, открывая створки платяного шкафа, – убийца Ренкина очень рисковал. А если бы тот внезапно обернулся и они оказались лицом к лицу?

– Если это был кто-то из гостей, то он мог бы все сразу же представить как игру, как будто он «играет в убийство».

– А откуда ему было знать, что Ренкин сам не «убийца»?

– Ну, здесь шансы были примерно девять к одному, – сказал Аллейн. – Единственным, кто знал это точно, был мистер Уайлд, но он лежал в ванне. А впрочем, погодите... был еще один.

– Да, сэр. Василий.

– Один – ноль в вашу пользу, Бейли. Но Василий в игре не участвовал.

– Да, сэр, не участвовал.

– Но я вовсе не уверен в том, что вы не правы. Ладно, а что у нас здесь?

Бейли уже выложил костюмы Ренкина на кровать, а сейчас опрыскивал пудрой кувшин и стаканы. Некоторое время они работали в тишине, пока Аллейн не добрался до последнего предмета одежды Ренкина – смокинга. Его он поднес к окну и осмотрел более внимательно.

– У богатых людей, – объявил он, – например, у таких, которые могут позволить себе держать камердинера, найти что-то гораздо труднее, чем у представителей низших классов. Это почти правило. Но в данном случае мы имеем дело с исключением. Хотя вполне возможно, камердинер мистера Ренкина отправил его сюда с чистым смокингом. Но в субботу вечером он замазал переднюю часть губной помадой или каким-то кремом.

– Дамский любимец, чего вы хотите, – спокойно заметил Бейли.

– Бедняга. Знаете, в нашей работе есть немало неприятных моментов. Например, когда надо перебирать и обнюхивать нижнее белье клиентов. Впрочем, это далеко не самое неприятное.

Аллейн достал конверт и перочинный нож. Аккуратно соскребая пылинку за пылинкой, он собрал в конверт немного вещества со смокинга.

– Я мог бы, конечно, отправить этот смокинг на экспертизу, но не думаю, чтобы это что-то существенно изменило. Давайте, Бейли, просмотрите бумаги и ящики комода. И на этом заканчивайте.

Он оставил его одного, а сам вновь прошелся по комнатам миссис Уайлд, Анджелы и Розамунды Грант. В каждой из них он нашел на туалетном столике набор бутылочек, тюбиков и коробочек. Миссис Уайлд, похоже, путешествовала, везя на буксире половину салона красоты. С инспектором сейчас была и его сумка. Он раскрыл ее. Внутри находилось множество бутылочек. В каждую из них он отлил немного жидкого крема и духов. Затем вернулся в комнату Ренкина, взял смокинг и тщательно его обнюхал.

– Мне кажется... – заявил он Бейли, – мне кажется, что здесь мы имеем смесь «Молочка гардений» и «Шанели номер пять». Стало быть – миссис Уайлд и не исключено, что и мисс Грант. Впрочем, результаты экспертизы меня поправят.

– У них тут пыль вытирают только с внешней стороны перил. С внутренней практически нет. На оконечной части перил имеется след перчатки. Вы это заметили, сэр?

– Нет, лестницу я так подробно не осматривал, – отозвался Аллейн.

С этими словами он покинул второй этаж и спустился вниз. В холле он нашел Найджела.

– Вы что-то рано покончили с обедом, мистер Батгейт.

– Да, – ответил Найджел. – Сэр Хюберт сказал мне, что должно произойти, и я решил, – если вы, конечно, не возражаете, – присутствовать, когда Чарльза...

– Конечно. Я имел в виду, что дамы... для них лучше, если бы эта процедура прошла незамеченной. Не хотите пройти в кабинет?

– Если можно.

На пороге Найджел остановился. «Ведь, наверное, сейчас я вижу Чарльза в последний раз», – мелькнуло у него. Он почему-то считал себя обязанным прикоснуться к нему. Нерешительно протянутая рука встретилась с неприятно-тяжелым холодом лба. Он поспешно вернулся в холл.

Похоронный фургон прибыл вовремя. В дом вошли служащие. Они вынесли Ренкина из кабинета и проворно уложили в машину. Аллейн с Найджелом стояли на ступенях крыльца, наблюдая за тем, как машина исчезает вдаль. Присутствие инспектора Найджелу было приятно. Он повернулся, чтобы что-то у него спросить, но того уже рядом не было. Сзади стояла Анджела.

– Я тоже видела, как его увозили, – сказала она. – Пошли прогуляемся.

– Я бы не возражал, – тихо ответил Найджел. – А куда мы пойдем?

– Давай обойдем вокруг дома по дальней дороге, а потом, может быть, поиграем в бадминтон. Согласен?

– Отлично, – отозвался Найджел, и они пошли.

– Надо немного развеемся, – решительно заявила она, после того как они некоторое время в молчании шли по аллее. – И почаще это надо делать, иначе здесь просто сойдешь с ума.

– А я-то считал, что уж тебе по крайней мере это не грозит.

– Так вот, ты ошибался. Кстати, там впереди ручей, не очень широкий, может быть, нам удастся его как-нибудь перепрыгнуть. Так, о чем это мы? Ах да, обо мне и о возможности сойти с ума. Так вот, спешу тебя заверить, у меня на душе иногда бывает так муторно, что... ну просто... В общем, как в русских романах. Но только, ради бога, не будем говорить о русских. С меня и доктора Токарева достаточно. По-моему, его слишком много.

– Да, общение с ним утомительно.

– Найджел, – вдруг произнесла она, понизив голос, – давай заключим соглашение, своего рода пакт о том, что будем друг с другом совершенно откровенны. По поводу убийства, я имею в виду. Согласен? Или ты находишь мое предложение глупым?

– Я согласен. И рад, что ты предложила это, Анджела. Да и с чего ты решила, что я сочту это глупым?

– Тогда все в порядке. Начнем? Я не верю, что Чарльза убил ты. А как насчет меня? Ты думаешь, его убила я?

– Нет.

– А кто это сделал, как ты думаешь?

– Если честно, то я вообще не думаю.

– Но как же... Что, у тебя на этот счет совсем нет никаких соображений?

– Ну, вроде бы положено подозревать Василия, но, ей-богу, Анджела, душа моя не принимает это. Такой добродушный старикан...

– Да-да, понимаю, – согласилась она. – Я тоже где-то внутри себя чувствую, что это не он.

– А кто? Что ты чувствуешь, Анджела? Кто это? Впрочем, если не хочешь, не отвечай.

– Нет-нет, это часть нашего соглашения.

– Ну тогда скажи.

Они уже достигли ручейка. Он и впрямь был узеньким, но по обе его стороны среди жидкой грязи виднелось множество мелких луж.

– Давай я перенесу тебя, – предложил Найджел.

– Ничего страшного, если я испачкаю свои туфли.

– Но мне будет неприятно. Лучше давай я тебя перенесу.

Анджела посмотрела на него. И от того, как она посмотрела, Найджелу вдруг стало хорошо, как никогда прежде. «Что же это такое? – смущенно подумал он. – Ведь я ее почти не знаю. Мы только, только встретились, всего два дня назад. Что же это творится со мной?»

– Ну хорошо, – сказала она и одной рукой обняла его за шею.

Найджел зачерпнул в ботинки немного холодной воды, но это же сущая ерунда. Он нес ее до самых деревьев.

– Ты уже можешь меня отпустить, – тихо, одними губами, прошептала она ему на ухо.

– Сейчас, сейчас, – почему-то громко проговорил он, почти крикнул. – Конечно... – И отпустил.

– А теперь, – начала Анджела (лицо ее, непонятно почему, стало пунцовым), – когда мы пересекли этот ручей, я скажу тебе, что я чувствую... Хотя погоди... что это там?

Сзади, со стороны дома, чей-то голос звал:

– Мистер Батгейт!

Они обернулись и увидели миссис Уайлд. Она махала рукой.

– Вас к телефону, из Лондона! – крикнула она.

– Черт бы тебя побрал! – пробормотал себе под нос Найджел и крикнул в ответ: – Спаси-бо!

- Возвращайся скорее, – сказала Анджела. – Я дойду до амбара и буду ждать тебя там.
- Но ты так и не сказала мне...
- Ты знаешь, я передумала.

Глава VIII

Свидетельствует ребенок

Оказалось, звонил Беннингден, семейный адвокат. Мистер Беннингден был одним из тех маленьких, высушенных джентльменов, которые так растворились в своей профессии, что почти полностью потеряли индивидуальность. Смерть Чарльза Ренкина его глубоко взволновала. Найджел, знавший его достаточно близко, в этом не сомневался. Но сухой голос, дробное стаккато фраз не выражали ничего, кроме того, что может выражать официальный юрист.

Он намеревался приехать во Франток завтра после полудня. Найджел повесил трубку и отправился разыскивать Анджелу.

На полдороге он наткнулся на Аллейна. Тот беседовал с младшим садовником. Очевидно, инспектор решил снять показания с работников усадьбы. Найджел вспомнил, как было вчера, когда гости разбрелись по парку. Он видел, как Ренкин и миссис Уайлд скрылись в тенистой аллее, и еще подумал: «А интересно, Уайлд и Розамунда тоже гуляют вместе? И еще интересно: по какой дороге гуляет сейчас инспектор?» – подумал Найджел уже не в первый раз. Младший садовник держал за руку маленькую девочку, краснощекую и очень чумазую, так что пол можно было определить весьма приблизительно. Собственно, Аллейн беседовал не с садовником, а с ребенком, и вид у него (разумеется, у инспектора) был чрезвычайно озадаченный.

– Мистер Батгейт, – позвал инспектор, – одну минутку! Вы умеете обращаться с детьми?

– Просто не знаю, что и сказать, – ответил Найджел.

– Да не спешите вы, ради бога. Это Стимсон, он здесь у них третьим садовником, а это его дочь... мм... Сисси. Сисси Стимсон. Стимсон говорит, что она вчера вернулась из парка и что-то рассказывала о плачущей женщине. Мне бы, конечно, очень хотелось поподробнее узнать об этом примечательном инциденте, ибо речь, видимо, идет об одной из наших дам. Но дитя – это очень трудный свидетель. Попробуйте вы, может, у вас получится. Мне непременно надо идентифицировать плачущую женщину, ну и, конечно, того, кто шагал рядом с ней. Сисси не из болтливых. Мм... Сисси, это мистер Батгейт. Он пришел поговорить с тобой.

– Привет, Сисси, – неохотно произнес Найджел.

Сисси немедленно спряталась за отцовскую ногу и зарылась лицом в его весьма неаппетитные штаны.

– Да не выйдет у вас ничего. Это ребенок особенный. – Садовник повернулся к Найджелу. – Я говорю, характер у нее особенный. Вот если бы здесь была ее мама, она бы, я не сомневаюсь, из Сисси все вытянула. Но нам не повезло, сэр, жена до субботы уехала к матери, а вот у меня к ней нет такого подхода. Да оставь ты это, Сисси. Стань сюда.

Он смущенно пошевелил ногой, но девочка покидать укрытие отказывалась.

– Сисси! – просюсюкал Найджел, чувствуя себя полным идиотом. – Тебе нравится этот красивый серебряный пенни?

Из-за штанины появилась пара настороженных глаз. Найджел извлек из кармана шиллинг и повертел его в руках.

– Гляди-ка, что я нашел, – проворковал он, притворно улыбаясь.

Хриплый фальцет изрек:

– Дай...

– Ого, – оживился Аллейн, – чудесно. Продолжайте в том же духе.

– Ты хочешь заполучить этот красивый серебряный пенни? – спросил Найджел и присел перед девочкой на корточки. Шиллинг оказался совсем близко от ее лица.

Сисси неожиданно попыталась цапнуть монету, но Найджел оказался проворнее и тут же убрал руку.

– Это не пени... это шилин, – насмешливо протянула Сисси.

– Да, конечно, ты права, – согласился Найджел. – Теперь послушай меня. Я дам тебе его, если ты расскажешь этому джентльмену, – он показал глазами на Аллейна, – что ты вчера видела в парке.

Ответом была тишина.

– О! – внезапно воскликнул инспектор. – Смотрите, я тоже нашел серебряный шиллинг. Надо же!

Стимсон заметно оживился.

– Иди сюда, ну! – позвал он дочь. – Расскажи, ну! Расскажи джентльменам о той леди, что плакала в роще. Они дадут тебе пару монет. Пару монет тебе дадут, говорю! – Он начал терять терпение.

Сисси показалась из-за укрытия и стала рядом с отцом, переминаясь с ноги на ногу и сосредоточенно ковыряя в носу.

– Эта леди была большая? – спросил Аллейн.

– Не-а, – отозвалась Сисси.

– Она была маленькая? – предположил Найджел.

– Не-а.

– Ну хорошо, предположим, – инспектор задумался, как бы проверяя себя, – что она была одна. Она была одна?

– Я видела тетю, – сказала Сисси.

– Очень хорошо. Прекрасно. И что, эта тетя была одна? Совсем одна? – почти запел Аллейн. – Совсем одна!

Сисси уставилась на него.

– Она гуляла сама с собой? – спросил Найджел, стараясь подстроиться под речь ребенка.

– Не-а, – ответила Сисси.

– С тетей кто-то был?

– Да-а.

– Другая тетя? – предположил Найджел.

– Не-а. Тети с тетями в рощу не ходят.

Стимсон хрипло засмеялся.

– Ну разве это не сокровище, сэр? – спросил он.

– Продолжаем, – твердо произнес Аллейн. – Продолжаем. Тетя была с дядей?

Найджел повторил вопрос.

– Да-а, – уступила Сисси.

– Что за дядя? – начал Аллейн.

Сисси снова сделала попытку цапнуть у Найджела шиллинг, издав при этом хриплый вопль.

– Этот дядя был большой? – спросил Найджел, делая шаг назад.

– Дай мне шилин, – захныкала Сисси. – Дай! Дай шилин!

– Нет, – сказал Найджел. – Пока не будешь хорошей девочкой.

Сисси пронзительно взвизгнула и убежала вперед по дорожке. Остановившись поодаль, она заплакала.

– Сорвалось, – с сожалением констатировал Стимсон.

– Кто это здесь обижает нашу хорошую девочку? – Из-за поворота появилась Анджела. Через мгновение она присела перед Сисси и взяла ее на руки. Девочка доверчиво обняла ее за шею и зарыла свое маленькое личико в блузке.

– Поговори с этими гадкими жентьяменами, – всхлипнула Сисси, – и забери у них шилин.

– Деточка моя, – запричитала Анджела. – Зачем вы ее дразните? – с осуждением произнесла она, глядя на Найджела с Аллейном.

– Мы вовсе и не собирались ее дразнить, – удрученно пробормотал Найджел. – Верно, Стимсон?

– Конечно нет, сэр, – согласился Стимсон. – Тут вот что было, мисс: Сисси видела вчера леди с джентльменом в роще, и леди плакала, а этот джентльмен хочет знать, как там все было. А Сисси уперлась.

– Ничего удивительного, – сказала Анджела. – Дайте мне монеты, которыми вы искушали несчастного ребенка.

Аллейн с Найджелом послушно вручили ей свои шиллинги.

– Вот видишь, деточка, – проворковала Анджела, – мы ничего им не скажем. Это будет наш с тобой секрет. Ты тихонько шепнешь мне на ушко, что эти смешные взрослые дяди и тети делали в парке. А вы, Стимсон, не ждите. Идите. Я приведу ее вам.

– Очень хорошо, мисс, – сказал Стимсон и удалился.

Сисси что-то, захлебываясь, зашептала на ухо Анджеле.

– Леди в красивой красной шляпке, – громко прошептала Анджела. – Бедная леди! Наверное, этот плохой джентльмен ее бил? Это был большой джентльмен?

Аллейн не отрывался от блокнота. Сисси прилипла к уху Анджелы.

– Это был смешной джентльмен, – сообщила Анджела. – А почему он был смешной? Ах, просто смешной. Вот как. Ты видела и другую леди. Да? И что она делала? Просто гуляла. Ну вот и все. Очень мило мы с тобой посекретничали. А теперь пойдем домой.

– А я тоже знаю секрет! – воскликнул инспектор Аллейн.

Сисси, которая теперь стояла рядом с Анджелой, повернула к нему влажные глаза. Инспектор внезапно присел перед ней и неожиданно состроил потешную гримасу, высоко подняв свою изящную черную бровь, чуть ли не до середины лба.

Сисси хихикнула. Бровь вернулась на место.

– Еще, – потребовала Сисси.

– Она не может снова подняться. Ей нужно, чтобы ты прошептала мне на ухо еще что-нибудь о джентльмене из рощи, – сказал Аллейн.

Сисси пересекла дорожку и положила свою пухлую, испачканную землей ладошку на лицо инспектора. Он слегка уклонился и замотал головой. Сисси зашептала. Бровь поползла вверх.

– Видишь? Видишь, как она действует? – оживился инспектор Аллейн. – А если мы сейчас пойдем с тобой в ту рощу, то вообще никто не знает, что моя бровь начнет вытворять.

Сисси через плечо посмотрела на Анджелу.

– Мы пойдем в рощу, – коротко бросила она.

Аллейн взял ребенка на руки.

– Разрешите удалиться, мисс Норт? – вежливо осведомился он.

– Я разрешаю вам, инспектор Аллейн. Удаляйтесь, – с шутливой важностью произнесла Анджела.

Свободной рукой инспектор отдал гвардейский салют и с Сисси на руках двинулся по дорожке, а она ласково обняла его ручонками за шею.

– Поразительно, – восхитился Найджел.

– Ничего особенного, – возразила Анджела. – Просто ребенок соображает, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.